

Первые искры

Автор:

Василий Криптонов

Первые искры

Василий Криптонов

Фэнтези-магияЭра Огня #1

Вернуться из школы и обнаружить свой дом в огне – само по себе неприятно. Услышать из огня голос сестры, зовущей на помощь – неприятно вдвойне. Но, бросившись её спасать, перенестись в другой мир... Тут уже всё не так однозначно. Вчерашний школьник становится вместилищем древней силы, магом Огня, на которого возлагают большие надежды члены почти уничтоженного клана. Жизнь играет новыми красками. Приключения, магия, красивые девушки... Но есть пара нюансов. Например, магия Огня в этом мире под строгим запретом. А вернуть к жизни сестру, принесённую в жертву Огню, будет весьма и весьма непросто.

Василий Криптонов

Первые искры

© В. Криптонов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Глава 1

Самое сложное в любой истории – это начало. С чего всё началось? С рождения? До рождения? За секунду до смерти? Наши истории начинаются тогда, когда что-то (или кто-то?) стирает всю прежнюю жизнь и ставит вокруг нас новые декорации. Играй – или умри. Третьего не дано. Но когда это происходит? Когда первые искры превращают жизнь в пожар?

Для большинства это происходит постепенно. Мне повезло больше. Я точно помню, как, войдя в подъезд, почувствовал запах дыма и подумал: «Наверное, у кого-то что-то сгорело». Помню, как поднялся к себе на этаж, вставил ключ в замочную скважину. Помню, что она показалась мне горячей. И совершенно точно помню, что успел сообразить: дымом пахнет из нашей квартиры. «Опять Настя что-то готовила», – мелькнуло в голове. Потом я повернул ключ и толкнул дверь.

За порогом стеной стоял огонь. Квартира полыхала так, будто в ней разлили не меньше тонны бензина. В лицо мне дышало жаром, а я стоял, раскрыв рот, и ни о чем уже не думал. До тех пор, пока из квартиры не послышался крик.

– Настя! – заорал я и, сбросив зачем-то рюкзак, кинулся туда, в самое пекло.

Я не герой. Герои – те, кто побеждают. А я просто идиот, которому слишком страшно стало от мысли, что младшая сестрёнка живьём горит в этом аду.

Крик повторился. Похоже, из ванной комнаты, – умница, сообразила! – и я вломился туда сквозь прогоревшую дверь. Меня осыпало углями, глаза слезились, дышать было нечем, кожа, казалось, лопалась от нестерпимого жара. Но что хуже всего, я ничего не видел.

– Настя! – прохрипел я.

Мне показалось, что я вижу смутный силуэт. Я двинулся к нему, а в голове, будто у себя дома, уже развалилась омерзительная мысль: обратно мне не выйти даже одному. Но я сделал ещё один шаг, и объятая пламенем фигура протянула ко мне руки. Прежде чем я понял, что это не Настя, она коснулась моей головы.

Перед глазами что-то ослепительно вспыхнуло, и пришла тьма.

«Быстро, – подумал я. – И совсем не страшно».

* * *

Но если это и была смерть, она оказалась какой-то странной, потому что я начал дышать. Тяжело, с хрипами, но всё-таки в лёгкие проникал настоящий воздух, пусть и немного затхлый.

Я лежал на холодном каменном полу. Может, он был не таким уж и холодным, но обожжённым рукам казалось, что пол сделан из чёрного непрозрачного льда. Впрочем, насчёт «обождённых» я тоже погорячился: когда я посмотрел на свои ладони, они оказались целыми и невредимыми. Да и вообще, я на удивление хорошо сохранился, даже волосы остались на месте, только вот рубашка и джинсы местами подгорели, да подошвы у кроссовок оплавилась.

Прокашлявшись, я поднял голову. Потом сел и осмотрелся. Где это я? Одно могу сказать точно: место это вижу впервые. Что было понятно и раньше: не припомню я помещений с каменными полами. Камень, к слову, был явно настоящим, не какая-нибудь имитация.

Я сидел в круглом зале, совершенно пустом, за исключением статуи посередине. Статуя изображала мужчину со сложенными на груди руками. Роба незнакомая, но такая надменная, что в неё сразу же захотелось плюнуть, а то и кулаком зарядить. Но я сдержался. Оно понятно, каменный мужик сдачи не даст, даже такому омега-хлюпику, как я. Но бить искусственного соперника – это как спать с резиновой женщиной. Я ещё не до такой степени на себя плюнул.

Перед мужиком была клумба. Может, это и как-то по-другому называлось, но я видел каменный квадрат в полу, заполненный землёй, и никаких других ассоциаций он у меня не вызывал.

Я встал и задрал голову. Купол, накрывающий зал, прорезали щелевидные окна, через которые проникал тусклый свет. Свет звёзд и луны – я видел их на чёрном ночном небе.

Стоп! Я ведь только что вернулся из школы и точно помню, что светило солнце. Так какого же чёрта наступила ночь? И вообще, давайте уже по порядку. Где я?!

Стоило сформулировать вопрос, как перед глазами запылали огненные буквы.

Внедрение успешно завершено.

Покрасовавшись пару секунд, буквы эффектно исчезли, как будто прогорели дотла.

– Да ладно! – воскликнул я и даже не вздрогнул от гулкого эха. – Вы что, серьёзно?!

В игрушки я никогда не играл: как-то было лень и не до того. Читал много, это да, но жанр ЛитРПГ не оценил. Так с какого перепугу вселенной понадобилось так надо мной поглумиться? Ку-ку, ребята, там, наверху! Это не мой заказ, мне – просто смерть, пожалуйста! Единственный квест, который мне по силам выполнить, – это спать двадцать четыре часа подряд. Ну, или с умным видом читать на уроке мангу, пряча её за учебником алгебры.

Тут я услышал шаги. Я быстро повернулся, одновременно волнуясь до заикания и надеясь на разъяснение ситуации.

В зал вёл единственный вход – арка высотой в полтора человеческих роста и пропорционально широкая. Огонь осветил каменные ступени, ведущие к арке откуда-то сверху. Вот на них показались тени...

Шестеро человек в балахонах, похожих на монашеские рясы, спустились в зал. Они держали в руках факелы. Самые, блин, настоящие средневековые факелы! – палки с намотанной на них какой-то фиговинной, которая горела долго и ярко.

– ?*%;%;%%*)(*? – рявкнул на меня один из них. Во всяком случае, на мой слух это звучало как-то так, записать услышанное кириллицей я бы не взялся.

– Руссо туристо, – на всякий случай отозвался я.

Ну а вдруг всё это какая-нибудь ролёвка или типа того? Поведу себя неправильно – меня и выкинут. Выкинутым мне как-то проще, привычнее: со стороны легче разобраться в ситуации.

Воодушевленный этой идеей, я добавил:

– Watashi wakaranai.

Задумка частично сработала: мужики озадачились и переглянулись. Я улучил момент, чтобы их разглядеть. Мужики как мужики, лет по сорок, серьёзные. Вряд ли, конечно, они тут в ролёвку играют.

– !№;%№”;%! – решил один, у которого ряса была чисто чёрного цвета, в отличие от остальных, облачённых в разные оттенки серого.

И тут перед глазами опять загорелись буквы.

Приготовиться: производится перезапись лингвистической базы.

Я заорал. Подозреваю, что визжал, как девчонка, от невыносимой боли. Казалось, будто в голову напихали не меньше дюжины кипятильников и столько же паяльников, а потом плеснули кислотой. Что-то стиралось, сгорало в мозгу, и нейроны заходились в истерике. Но это были ещё цветочки.

Когда всё было стёрто, я обнаружил себя на полу в позе эмбриона, скулящим и дрожащим. Надо мной склонились обеспокоенные лица монахов.

– (*(%;№? – спросил один.

И этого мне хватило, чтобы понять: со мной ещё не закончили.

Следующая вспышка боли была ещё изощрённее. Казалось, будто в голове что-то выцарапывают ржавым циркулем. Тщательно, скрупулёзно, с методичностью маньяка-убийцы, расчленяющего очередную жертву.

Меня вырвало. Я плакал, я задыхался и думал: если и сейчас не смерть, то даже не знаю.

Но это была не смерть. Всё закончилось так же внезапно, как началось, и огненные буквы известили:

Перезапись лингвистической базы завершена. Структурное соответствие – 87 %.
Общее наречие. Диалект Сезан.

Я прочитал эту лабуду, но как – сам не понял, потому что вместо привычных букв видел невообразимые иероглифы, нисколько не напоминающие ни кандзи, ни даже древнеегипетские письмена.

Буквы исчезли, и я перевёл дух.

– Братья, я всё-таки склонен считать, что молодой человек пьян либо одурманен, – услышал я.

– Да хоть бы и то, и другое, – отозвался другой голос. – Он пробрался в святилище, он осквернил его.

Меня нежно попинали носком сапога. Я поднял слезящиеся глаза и увидел хмурое усатое лицо.

– Как будешь оправдываться? – буркнул монах.

Я слышал всё те же невообразимые созвучия, но теперь они были для меня как родные, будто я с рождения их слышал. И когда я открыл рот и заговорил, выяснилось, что говорю я точно так же, но теперь смысл наполнял каждый звук.

– Кто вы такие? Что тут происходит?!

– Пьянь, – констатировал другой монах. – Я позову рыцарей.

Никто ему не возразил, и я услышал быстрые удаляющиеся шаги.

Усатый монах наклонился и, подхватив меня под мышки, легко поставил на ноги. Я покачнулся, лишний раз подтверждая их выводы о моём состоянии.

– Как ты сюда вообще пробрался? Святилище охраняется, вход был заперт.

– Я домой шёл, а там...

Тут в памяти сверкнули языки огня, я услышал гул пламени, почувствовал запах гари, и тело на миг словно бы ощутило нестерпимый жар. И крик. Исполненный боли и ужаса крик!

– Настя! – выдохнул я и, вытаращив глаза, уставился в усатое лицо. – Где она?

– Что такое «настя»? – спросил монах, и я заметил, как инородно, неправильно звучит имя из его уст. Что-то вроде Нийаситиа, даже не передать.

– Моя сестра! – выкрикнул я. – Где она? Она... Она тоже здесь?

Я крутил головой. Пятеро монахов смотрели на меня – кто с презрением, кто с удивлением.

– Ты из академии? – спросил усатый.

В голосе его мне послышалось что-то странное. Он будто протягивал мне спасательный круг, но я понятия не имел, как им воспользоваться.

– Печать, – потребовал он и, схватив меня за правую руку, повернул её тыльной стороной вверх. – Покажи печать.

Я с недоумением таращился на свою ладонь.

– Да какая печать? – отозвался другой монах. – Он же совсем молокосос и одет в незнамо что. Откуда ты?

– Из Красноярска, – тупо ответил я.

Название города прозвучало ещё хуже имени сестры. Повторить его не решился ни один монах.

– Точно пьяный, – услышал я вердикт. – Или безумный. В любом случае решать не нам.

Со стороны входа послышался топот тех, кому, видимо, предстояло решать. Я повернул голову. Монахи расступились, и я увидел самых настоящих рыцарей. Их было двое, на них были доспехи, на головах – шлемы, а в ножнах на поясах висели мечи.

– Видите? – говорил идущий следом за ними монах. – Так-то вы несёте свою службу? Небось спали?

Рыцари выглядели смущёнными, но смущение быстро уступило место злости.

– Мы никогда не спим на посту! – рявкнул один из них.

Они схватили меня за руки. Латные перчатки больно сжали кожу, и я вскрикнул. Похоже, меня таки выкинут сейчас куда-нибудь. Слава... Кому слава, я сразу подумать не сумел: слова подходящего не было. Спустя секунду в голове родилось: «Слава Огню», и лёгкая боль кольнула в виски.

– В каземат его бросим, – заявил рыцарь. – Утром разберёмся.

Глава 2

Меня выволокли на улицу и потащили по каменной дороге. Я, сообразив, что рыцари мне не рады, благоразумно решил пока помолчать, хотя слово «каземат» мне совсем не понравилось. Вместо того чтобы задавать вопросы, я начал крутить головой.

Была ночь, но луна светила ярко, и от величия окружающего пейзажа у меня перехватило дыхание. Вокруг меня высились скалы. Острые пики уходили высоко в небеса.

Ветер дул тёплый, и это лишний раз утвердило меня в мысли, что я уже не дома: в наших краях даже летом по ночам лучше без куртки не выходить. Я посмотрел на рыцарей и проникся сочувствием. Каково им-то, в тяжелой броне?

– Может, я сам пойду? – предложил я. – Обещаю, убежать не стану.

Ответа не последовало, и я расслабился. А что ещё было делать?

Вывернув шею, я посмотрел назад и увидел осквернённое мной святилище. Оно, как будто каменный мяч, вернее, его половинка лежало посреди горной гряды. Вход в святилище напоминал вход в пещеру и был расположен выше него. Это мне показалось странным. Инстинкт подсказывал, что когда речь идёт о чем-то священном, логичнее делать его выше, но здесь у людей, видимо, были другие понятия.

Где-то шумела вода. Дорога петляла, и звук становился то глуше, то громче. В одном месте мы миновали развилку и пошли по узкой тропе. Более широкая вела вниз, и я изловчился посмотреть туда. Увидел внизу каменную стену, тянущуюся в обе стороны, сколько хватало глаз. Увидел ворота.

Видимо, мы находились в какой-то крепости, расположенной в горах. Похоже, тут всё очень серьёзно. А если так, то зачем тут сдался я? Кому бы задать этот вопрос? Вот бы в каземате оказался какой-нибудь мудрый старец, который даст хоть пару-тройку ответов из той сотни, что мне позарез нужны.

– Твёрдой почвы под ногами, рыцари, – слышался глухой, но сильный голос. – Что сотворил этот юноша и куда вы его ведёте?

Я с надеждой посмотрел на появившегося на дороге человека. Это был немолодой мужчина, но волосы его и борода были чёрными, как у молодого. Волосы он завязал в хвост и выглядел бы как потёртый жизнью хиппи, если бы не плащ. Настоящий такой плащ, тёмно-серый, всё как полагается. Мужчина закутался в него полностью, даже рук не было видно.

– И вам твёрдой почвы, почтенный Мелаирим. – Рыцари остановились и чуть склонили головы. – Этот проходимец пробрался в святилище и всполошил служителей. Бросим в каземат, утром глава ордена решит, что с ним делать.

– Кто бы мог подумать, – покачал головой почтенный Мелаирим. – Пробраться в такое укрепленное место... И при этом выглядеть столь жалко. Я склонен видеть здесь волю случая, а не злой умысел. Так ли обязательно ломать жизнь мальчику? Может быть, я заберу его к себе, выясню всё, а вас избавлю от забот?

Он не шелохнулся, но из-под плаща отчётливо донеслось звяканье. Этот звук, надо полагать, во всех мирах универсален. Даже я понял, что рыцарям предлагается взятка. Ненавязчиво так. Мол, ну, захотелось мне монетками побренчать, что такого-то.

И рыцари задумались. Ненадолго.

– Нет, почтенный Мелаирим, – с видимой неохотой сказал тот, что держал меня за левую руку. – При всем уважении дело замять не удастся. Он осквернил святилище, служителям придётся принимать меры.

Вот засада! Это всё из-за того, что меня вырвало? Да Огонь с ним, дайте тряпку, я всё уберу! Ну вот, опять этот «Огонь». Что он у меня в голове делает?

– Осквернил?! – воскликнул Мелаирим. – Что ж, это, конечно, непростительно. Исполняйте свой долг, благородные рыцари. Каждый должен нести ответ за свои поступки.

Он пошёл дальше своей дорогой, однако, когда проходил мимо, то быстро и внимательно посмотрел мне в лицо и, кажется, подмигнул. Впервые в жизни у меня на сердце потеплело от подмигивания незнакомого мужчины.

– Что встал? Пошёл! – рявкнул на меня рыцарь справа.

Здорово, теперь я ещё и виноват. А кто, спрашивается, избаловал меня, таская на руках?

Выпендриваться я не стал, пошёл ногами. Рыцари по-прежнему держали меня с двух сторон, но не так жёстко.

Казематы оказались также высеченными в толще скалы, как и святилище, но выглядели поскромнее. У входа рыцари запалили факел. Меня протащили широким коридором и бросили в одну из камер. А потом произошло вот что: из пола у меня на глазах выросли металлические прутья и упёрлись в потолок. Решётка закрылась. И рыцари преспокойно ушли.

Я поёжился: тут было прохладно. И к слову, темно, хоть глаз выколи. Окошко в каземате имелось, но, видимо, выходило на соседнюю скалу, которая напрочь загоразживала свет.

Я вытянул руки, сделал пару шагов и во что-то упёрся коленом. Наклонился, пощупал. Похоже, койка или типа того. Тоже каменная, но застелена чем-то вроде облезлой шкуры. Пахло так себе, но я присел: не в моем положении было брезговать.

Могли бы хоть факел оставить, изверги. Хотя... Стоп! А вот это уже мысль на миллион. Я сунул руку в карман джинсов и улыбнулся. Смарт оказался на месте. Вот бы он ещё работал...

От перенесённого жара корпус чуть-чуть деформировался, я ощущал это пальцами. Но когда я нажал на кнопку включения, экран засветился, и на меня посмотрела знакомая мордашка Рены из аниме «Когда плачут цикады». Здравствуй, милая, рад тебя видеть. Сети, разумеется, нет и в помине.

Я провёл пальцем по экрану и увидел цифры. Вернее, приготовился увидеть цифры, а увидел непонятные закорючки. То есть цифры-то были обычными, которые в первом классе изучают, но я их совсем не разбирал. Для меня они были непонятными письменами. Только единицу я более-менее воспринял, а остальные плясали перед глазами, сливаясь в причудливый узор.

Стоило попытаться сосредоточиться, и заболела голова. Как будто опять кто-то загоняет туда паяльник... Нет-нет, всё, я понял. Лингвистическая база переписана, математическая, видать, тоже попала под раздачу. Но, хвала Огню, мне и не нужно вводить ПИН-код, у меня всё важное настроено и так.

Я удержал кнопку «домик», и крохотный светодиодик фонарика вспыхнул, разогнав тьму. Положив смартфон рядом с собой экраном вниз, я огляделся.

Хотя было бы что оглядывать. Комнатушка два на три, каменные стены, железная решётка. В одном углу – шконка, на которой я и сижу, в другом – дыра в полу. Ни водопровода, ни хотя бы туалетной бумаги. Так себе сервис, скажем прямо.

Я подошёл к решётке, подёргал её – как влитая.

- Есть здесь кто? – крикнул я.

- Кто?.. Кто?.. – отозвалось эхо.

- Да хоть кто-нибудь! – огрызнулся я.

- Не будь... Не будь...

- Вот спасибо, – буркнул я и вернулся на шконку.

Фонарик выключил. Подумав, выключил и телефон. Как знать, вдруг ещё пригодится. Зарядных устройств здесь, скорее всего, не найти, а батарея высадится в мгновение ока, особенно если вздумают обновляться какие-нибудь сервисы «корпорации добра».

Итак, что мы имеем? Я однозначно попал в какой-то фэнтезийный средневековый мир. Банальнее и придумать нельзя. Как будто этого было мало, я успел попасть ещё и в нехилый переплёт. Интересно, что тут полагается за осквернение святилища?

Ответа я, разумеется, не ждал, но ответ пришёл.

Осквернение святилища не членом клана относится к тягчайшим преступлениям против клана. В зависимости от решения Ордена карается смертной казнью либо принесением в жертву Падшему.

Я внимательно изучил огненные буквы в поисках утешения. Утешения не было. Буквы растаяли.

– Смертная казнь либо принесение в жертву, – повторил я. – Даже не знаю, что и выбрать. Всё такое вкусное...

Впрочем, если верить буквам, то выбирать мне и не придётся: решит какой-то Орден. Вот спрашивается: и зачем было меня в этот мир тащить, если через несколько часов меня угробят? Может, для того и тащили, конечно. Мало ли, вдруг у них тут жертв для Падшего не хватает, приходится из других миров похищать. Что ж, хоть какая-то от меня польза будет. Слабое утешение, но другого нет.

Хотя есть другое. Я вспомнил, как почтенный Мелаирим мне загадочно подмигнул. Ну а что? Может быть, он что-то предпримет. Видно же, что мужик тут не конюшни чистит. Заболтит где-нибудь словечко. Зачем я ему нужен, конечно, другой вопрос, но будем решать проблемы по мере их поступления.

Решив так, я улёгся на вонючую шкуру и закрыл глаза. Не думал, что усну, однако успел лишь подумать о сестре, как меня будто выключило.

* * *

– Этот? – рыкнул чей-то голос.

Я вскочил. Сердце заколотилось, меня трясло. Я всё ещё был в каземате, это был не сон. Эх... жаль. Вот был бы вариант проснуться сейчас где-нибудь на алгебре, получить указкой по башке...

– Он самый, – сказал знакомый голос.

Я посмотрел на решётку. За ней стояли двое. Один – рыцарь в каких-то вычурных доспехах с вензелями и узорами. Смотрел на меня, как на таракана. А второй – давешний монах с усами, который требовал с меня печать.

- Печатей нет, либо он их не показывает, - тут же сказал он. - Непонятно кто и как...

- Не имеет значения, - заявил рыцарь. - Костёр уже сложили. Открывайте!

Подбежал ещё один рыцарь и положил руку на решётку. Та почти сразу поползла вниз, освобождая проход.

- Пойдите! - заорал я. - Погодите, а суд?! Разве не должно быть суда?!

- Суд уже был, - сказал расписной рыцарь. - Тебе, проходимец, выпала великая честь послужить жертвой Падшему. Благодаря тебе тепло и свет не покинут наш мир.

- Слава Огню, - пробормотал я в полном смятении.

Эх, где же ты, почтенный Мелаирим? Может, у него просто нервный тик был, а я размечтался?

Два рыцаря, ступившие в камеру, остановились.

- Вы слышали, что он сказал? - просипел один.

- Да кто он такой? - Этот дрожащий голос принадлежал монаху.

- Как я сказал, не имеет значения, - заявил расписной рыцарь. - На костёр эту шваль!

В этот раз мне опять не позволили идти. Заломили руки и поволокли, а я даже не обращал внимания на боль. Плевать я хотел на эту боль, меня сейчас сожгут на костре!

Глава 3

Похоже, где-то наверху кто-то сообразил, что со мной случилась промашка. Я ведь должен был сгореть, так? Но не сгорел. И вот теперь меня привязали к столбу посреди костра. Хотя костром это я бы назвать побоялся. Столб торчал из целой поленницы, сложенной на каменной площадке. Эти парни действительно ОЧЕНЬ хотели принести меня в жертву.

Я подёргался – надежда ведь умирает последней! – но верёвки лишь больнее врезались в запястья, связанные за столбом. Есть, конечно, шанс, что верёвки сгорят быстрее, чем я, и тогда я смогу убежать... Прямо на мечи рыцарей, окруживших поленницу.

Солнце всходило, и без огня делалось жарко. Я задыхался, скорее от волнения, конечно. Хотелось скрючиться и заплакать, но скрючиться не позволяли связанные руки, а заплакать – упрямая гордость. Я никогда не плакал, даже когда меня избивали после уроков «добрые» одноклассники. От этого они злились и били ещё сильнее, но я ничего не мог с собой поделать. Во мне росла только злость – глухая, тупая и бесполезная. Я всегда был один и всегда был на лопатках.

Только вот сжечь меня ещё ни разу не пытались, конечно.

Площадка, на которой я должен был умереть, находилась на вершине одной из скал. Кажется, это называется «плато», но точно не уверен. Тяжело в мире без гугла: приходится пользоваться только теми словами, в значении которых точно уверен.

Текущая локация – вулкан Яргар. Цитадель силы Огня, ныне запечатанная печатями трёх стихий.

Вот как! Что ж, спасибо за познавательную лекцию, волшебный интерфейс. А теперь подскажи, как мне выбраться отсюда?!

Отдаться Огню.

Блеск. Это как «расслабиться и получить удовольствие»? Ну а что мне ещё остаётся...

Со стороны святилища двигалась вереница монахов с горящими факелами. Шли неспешно, и на том спасибо. Может, ещё речь какую толкнут, всё лишние минутки. Говорят, перед смертью не надышишься. Те, кто так говорят, просто никогда не были перед смертью...

Я повернул голову в другую сторону и увидел там признаки жизни. В соседней скале обнаружилось множество окон, балконов и галерей. Скала кишела людьми в серых и чёрных одеждах, только их лица выделялись на этом унылом фоне светлыми пятнами. Похоже, готовятся смотреть шоу.

Но что за придурь – выдалбливать помещения в скалах? Что казематы, что святилище, что вот это вот... чем бы оно ни было. Страшно представить, сколько труда и времени. Вообще, жутко смотрится: скала, населённая людьми. Как муравейник какой-то.

Пока я лихорадочно размышлял, пытаюсь не то скоротать время, не то отвлечься от мыслей о смерти, монахи добрались до вулкана. Теперь я видел, что плато и впрямь не совсем плато. Я находился в жерле вулкана, забитом здоровенной каменной пробкой. Как это сделали – вопрос ещё более хороший, чем тот, другой, про выдолбленную скалу. Ответов мне, похоже, получить не удастся.

Монахи выстроились, как рыцари, вторым кольцом. Тот усатый, который спрашивал с меня печать, шагнул ближе к поленнице и заговорил:

– Сегодня мы приносим жертву Падшему. Огонь заточённый, Огонь поверженный, услышь нас, прими наше подношение и будь к нам благосклонен. Да не угаснет свет в нашем мире, да не потухнут огни, дающие нам тепло. Да будет так.

Он наклонил факел и ткнул им в поленницу. Его примеру последовали остальные монахи.

И это что, вся речь?! Нет! Я не готов! Не так быстро!

Огонь быстро распробовал сухие дрова, и языки его заползли наверх, побежали к моим ногам. Я рванулся. Крик kloкотал в груди, но я не позволял ему выйти наружу. Нет, не хочу, не буду! Потом, когда будет уже невтерпёж, когда боль станет невыносимой, я, может, и заору, но до тех пор не доставлю им такого удовольствия!

Мой мечущийся взгляд скользнул по лицам монахов, и я понял, что никакого удовольствия им не доставлю, даже если начну писаться и звать маму. Некоторые из них – как тот усач, например, – смотрели на меня даже с сочувствием. Другие отворачивались. Они будто не по своей воле тут были, будто не хотели приносить эту жертву. Но они-то стояли с факелами, а я сгорал живьём! Есть разница, а?!

Как будто горячим плеснули – огонь взметнулся выше, встал стеной, как тогда, у меня дома.

– Падший принимает жертву! – провозгласил усатый монах.

Рокот, поднявшийся под каменной пробкой, я почувствовал даже сквозь кучу брёвен, пожираемых огнём. И вот теперь я заорал.

Там, внизу, таилось нечто реальное, живое, и оно собиралось меня пожрать. Это ему меня приносят в жертву! Я чувствовал, как оно тянется ко мне, зовёт меня, и это было страшнее огня, подступившего ко мне вплотную.

Я попытался молиться, но привычные слова будто выжгло из памяти, и вместо них я хрипло прошептал что-то вроде:

– Вверяюсь твоей силе, Огонь-прародитель, убереги меня от силы твоей и прими мою верную службу.

Я закрыл глаза: их жгло нестерпимо. Почувствовал, как вспыхнули рубашка, джинсы...

И вдруг, когда казалось, что не осталось ни одной не обожжённой клеточки моего тела, всё прекратилось. Мой крик, больше напоминающий визг, эхом разлетался по какому-то каменному помещению. Уж не то ли это святилище

опять? Я что, обречён на вечное повторение этой шизофрении?!

Плотная ткань легла мне на плечи, сверху похлопали, видимо, чтобы сбить огонь. Я замолчал, тяжело дыша. Руки были всё ещё связаны, но столб исчез. Я стоял на коленях. Как и хотелось, я скрючился и плакал.

– Покричи ещё, если хочешь, – сказал тихий голос, показавшийся знакомым. – Тут никто не услышит.

Я поднял голову, потрянул ею, сбрасывая накидку, и выдохнул:

– Почтенный Мелаирим...

Он улыбнулся в усы и склонил голову.

– Хвала Огню, теперь всё закончилось, – сказал он. – Мы не думали, что тебе дважды придётся пережить такое, но сила Земли оказалась сильнее силы Огня, и тебя притянуло в их святилище. Теперь мы это учли.

– Я так... так за вас рад, – пролепетал я, тщетно пытаюсь состричь.

Мелаирим опять улыбнулся. Потом встал и снял с меня накидку. Это оказался его плащ. Пока он его надевал и застёгивал фибулой, я огляделся.

Да-да, опять помещение, выдолбленное в камне, как необычно. Окон нет, только одна дверь. В помещении не было ничего особенного, кроме статуи женщины, перед которой, прямо на полу, горел огонь.

– Это святилище Огня, – сказал Мелаирим. – И ты – один из немногих людей, знающих о его существовании. Это великая честь и немалая ответственность.

– Я хочу домой.

– У тебя сейчас, наверное, множество вопросов...

– Где моя сестра?

- На часть из них ответит моя племянница...

- Кто вы такие?

- На другие - я, когда вернусь. Сейчас мне, к сожалению, нужно...

- Почему я здесь?!

- Вечером мы поговорим с тобой, - закончил Мелаирим.

Он развернулся и пошёл к выходу. В проёме он разминутся с девушкой. Бросил ей, не останавливаясь: «Позаботься о нашем госте, Таллена», и ушёл.

Девушка посмотрела на меня и улыбнулась. У меня ёкнуло сердце. Оно всегда так делало, когда на меня обращали внимание красивые девушки - я помню все два раза, считая с этим.

- Привет, - сказала она, приближаясь ко мне какой-то особой походкой. - Для начала избавим тебя от этой одежды, вопросы потом.

Глава 4

Девушку звали Таллена. «Можно просто Талли», - разрешила она мне и велела следовать за собой. Мы вышли из святилища Огня, за которым оказался длинный коридор со множеством ответвлений. После третьего поворота я плюнул на то, чтобы запоминать дорогу. Тут сыграли свою коварную роль и мой топографический кретинизм, и то, что Талли постоянно говорила, но главным образом сама Талли.

С дядей её роднили густые чёрные волосы, завязанные в хвост. Она была высокой, стройной и носила облегающее чёрное платье, подчёркивающее все ключевые моменты фигуры. Один из этих ключевых моментов приковывал мой взгляд всю дорогу, где уж тут было повороты считать. Талли несла факел, и игра теней будто добавляла рельефности её формам.

– Первое, – говорила она, – забудь о том месте, откуда пришёл. Тебе туда не вернуться, ты вычеркнут из книги того мира. Но не расстраивайся. Тебе уготована великая судьба.

Она говорила размеренно, голосом, будто слегка скучающим.

– Но почему я? – вырвалось у меня.

Хотелось спросить про сестру, но половой инстинкт запретил спрашивать у одной девушки про другую, и, хотя мне было стыдно, я ему подчинился.

Талли остановилась, повернулась ко мне и окинула высокомерным взглядом. Она была чуть выше меня, сантиметра на три, и это ей удалось на отлично.

– Что? – спросила она так, что я почувствовал, будто становлюсь ещё ниже.

– Почему я здесь оказался?

Она помолчала, глядя на меня.

– Ты что, думаешь, я об этом не рассказала бы и так?

– Ну... я... просто поддерживаю разговор...

– Это не разговор. Мне не интересно с тобой разговаривать, да и не о чем. И будь любезен, в первую очередь избавь меня от воспоминаний о своём мире. Лучше слушай и запоминай, тебе многое предстоит усвоить.

Она пошла дальше, а я потащился следом, насупившись и уже гораздо меньше смотря ей пониже спины. Вот же высокомерная зараза. Почему все красивые девчонки такие? Их что, в отдельном пансионате обучают правилам поведения?

– Второе, – продолжала Талли. – Ты находишься на территории клана Земли. Здесь, как ты успел заметить, есть святилище Земли, казематы, военная часть и военная академия.

– Академия? – переспросил я.

– Ты мог её видеть, она расположена в теле скалы, неподалёку от того места, где тебя принесли в жертву.

– А, вулкан Яргар, – кивнул я со знанием дела. – Цитадель силы Огня.

Талли опять остановилась и на этот раз повернулась ко мне резче прежнего.

– Откуда ты это знаешь? Отвечай!

Охота играть в загадочность как-то сразу прошла.

– Это всё огненные буквы, – пробормотал я. – Они иногда появляются... А иногда нет.

Талли хмыкнула.

– Сила Огня уже говорит с тобой... Что ж... Это хорошо. Быть может, всё закончится скорее, чем мы думали.

Она свернула в очередной раз, и мы оказались в купальне. Это было такое же каменное помещение, как и все остальные, только посреди него находились три круглые каменные ниши, заполненные парящей и бурлящей водой.

– Здесь залегают подземные воды, – пояснила Талли, устанавливая факел в держатель. – От вулкана они горячие и целебные, хорошо воздействуют на кожу. Я бы отсюда не выходила вовсе. Постоянно такое чувство, будто смываешь с себя тонну грязи после общения с кланом Земли. Раздевайся.

Про воды и грязь она говорила с сильным чувством, я даже с ходу ей посочувствовал и немного возненавидел клан Земли. Но вот слово «раздевайся» бросила прежним равнодушно-высокомерным голосом.

Я поёжился. Талли стояла и смотрела на меня, сложив руки на своей великолепной груди.

- Вот прям сейчас? - пробормотал я.

- Сделай одолжение, приведи себя в порядок. Мыло, мочалка, полотенца и новая одежда на скамье.

Скамейки - разумеется, каменные, - стояли у каждой ванны. Я посмотрел на приготовленные принадлежности для мытья, на стопку одежды и вновь повернулся к Талли. Она не смогла прочесть вопроса в моих глазах.

- Ну... Ты, может быть, выйдешь? - предложил я.

- Дядя велел мне присматривать за тобой.

- Что, даже в ванне?! - воскликнул я.

- Особенно в ванне. Для тебя это самое опасное место. Ты можешь утонуть.

Хорошего же она обо мне мнения! Вообще, чувствую, презирать меня здесь будут ничуть не меньше, чем в школе. Хоть привыкать заново не придётся.

- Ну? - поторопила Талли. - Или тебе помочь?

Она двинулась было ко мне, но в её движении и в лице было настолько мало эротического, что я попятился и выставил руки перед собой.

- Нет-нет, я сам! Я умею раздеваться. Я в своём мире вообще самый главный по раздеванию. Я научился раздеваться раньше, чем ходить, и это один из множества талантов, которыми я горжусь!

Она замерла. Кажется, удивилась. Я перевёл дух.

- Странный ты, - заключила Талли.

В общении с красивыми девушками у меня есть два режима: угрюмое молчание и словесный понос. Одно в другое переходит без всякого предупреждения, внезапно.

– Если ты хотя бы отвернёшься, я тут же, я мигом, – заверил я свою надсмотрщицу.

Фыркнув, она величественно отвернулась. А я начал отдирать от тела прижарившуюся одежду. Эротические мысли как-то сами собой сошли на нет.

– Это место, – говорила тем временем Талли, – обустроил мой дядя, когда изучил магию Земли. Он здесь жил в эпоху Процветания, со своей семьёй. Но во время Великой битвы его семья погибла, а он поклялся отомстить. Теперь это место секретно, сюда нет пути для тех, кого не ждут. Дядя живёт наверху, при академии. Он проректор.

Рубашку я отодрал, скомкал и бросил на пол. Осмотрел руки, грудь, живот. Мистика, да и только. Несколько покраснений, скорее оттого, что синтетическая ткань прилипла к коже. На мне не было ни единого ожога!

Когда я снимал джинсы, из кармана вывалился смартфон. Я поднял его и осмотрел. Он вздулся и покоробился ещё больше чем прежде, но экран был цел. Может, ещё и заработает... Я благоразумно припрятал его в стопку свежей одежды и, решительно выдохнув, избавился от трусов.

Быстро скользнул в воду, которая сперва показалась мне кипятком. Но тут же обжигающие прикосновения переплетающихся течений стали ласкающими, и я обнаружил, что расслабляюсь, растекаюсь по бортику ванны, как медуза, выброшенная на берег. Вода непрестанно текла, видимо, поступая из какого-то отверстия в камне и уходя в другое, такое же.

Рядом послышался всплеск. Я повернул голову – и расслабления как не бывало. Кровь прилила к лицу, и не только к лицу. Талли лежала в соседней ванне, а её платье валялось позади, на скамье.

Она, похоже, успела окунуться с головой, потому что её волосы были мокрыми и блестели. Капли воды покрывали лицо, расслабленное и умиротворённое. Глаза её были закрыты, и я получил возможность полюбоваться. Любоваться было особо нечем: я со своего места видел только голову и обнажённые руки, лежащие на бортиках. Но всё остальное достраивало воображение, а на него я никогда не жаловался – ему только повод дай.

– Надеюсь, теперь я буду сюда частенько заходить, – простонала Талли. – Душевые в академии – это гнусная пародия.

Когда она открыла глаза, я отвернулся. Девчонка, конечно, без комплексов, но кто её знает... И потом, мои-то комплексы никто не отменял.

– Дядя потом тебе всё расскажет более подробно. Меня он просил глубоко не вдаваться. Но я всё-таки попытаюсь объяснить, почему мы призвали именно тебя. Поиск в другом мире производится почти вслепую. Нам были нужны двое: жертва и избранный. Без жертвы Огонь не смог бы вернуться, у него не хватило бы сил. Избранный должен был быть подходящего возраста и с подходящей душой. Слабой, изнеженной, боязливой душой, которая не будет сильно сопротивляться силе Огня.

Кровь потихоньку начала отливать от сокрытой под водой части меня. Слабый, изнеженный, боязливый... Так меня впервые «обласкали». Обзывали-то и покруче, но Талли не обзывала, она просто говорила как есть, и от этого моей изнеженной душе сделалось больно и печально.

Если бы я мог, я бы уже тогда задумался о том, почему меня так мало тревожит слово «жертва». Мне ведь, по сути, только что объяснили, что мою сестру хладнокровно убили! Но мысли цеплялись за что угодно, только не за этот ужасный факт. Лишь спустя несколько дней я понял, что со мной происходит, и научился бороться, а пока... Я говорил с убийцей своей сестры, но видел в ней лишь красивую девушку.

– Пока что ты подобен искорке, упавшей на хворост, – говорила Талли. – Наша задача – раздуть из тебя костёр и потом превратить его в пожар. Пожар, который пожрёт всю твою слабость и обратит её в силу. Всё! Остальное тебе расскажет дядя, у меня это как-то не очень мягко получается.

Я, что называется, обтекал. Конечно, пока я не поговорю с почтенным Мелаиримом, выводы делать рано. Но... Она разве не сказала только что, что я со временем должен буду умереть? Сгореть? Опять?!

Текущая сила Огня – 1. Пиковая сила Огня – 3.

Я сморгнул огненные буквы и повернулся к Талли.

- А что если я не хочу, чтобы меня превращали в пожар?

- Вряд ли ты что-то сможешь этому противопоставить, - сказала Талли. - Как я уже говорила, мы выбрали кандидата, который не сможет сопротивляться. Огонь - это не только языки пламени, которые ты видишь. Огонь горит внутри тебя, это твои страсти и фантазии, это то, что пожирает тебя. Как ты будешь этому противостоять?

- Да запросто! - выпалил я.

Талли усмехнулась и потянулась назад, частично приподнявшись над водой. У меня заколотилось сердце. Взяв со скамейки мочалку и мыло, Талли опустила их в ванну, потом принялась демонстративно тереть друг о друга.

- Сейчас посмотрим, не ошиблись ли мы в выборе, - промурлыкала она.

Я, позабыв дышать, смотрел, как Талли моется, ласкающими движениями ведёт мочалкой по рукам, по бокам, по груди. Она привстала, но повернулась так, что я видел лишь её обнажённую спину. Однако воображению, как я уже говорил, хватало и крохотного щелчка, не говоря о таком могучем пенделе.

Текущая сила Огня - 1,3. Пиковая сила Огня - 10.

Да что ж такое! Я попытался отвернуться, но какая-то сила, куда более могущественная, чем я, заставила меня смотреть.

- Однажды, если другого пути не будет, ты сможешь мной обладать, - подлила масла в огонь Талли. - Но мы будем надеяться, что до этого не дойдёт. Такому хиляку хватит и посмотреть, а может, и того больше не понадобится.

Пиковая сила Огня – 15.

Огонь во мне и вправду полыхал нешуточный. И казалось, так легко ему поддаться, так просто...

Я задержал дыхание и погрузился в воду с головой. Лучше бы, конечно, холодный душ. Надо будет потом сбегать в академию, по рекомендации Талли, но пока хорошо и так.

Я выпустил воздух, но не выныривал, пока не погасли огненные буквы. В глазах начало темнеть, и вдруг я увидел лицо Насти, лицо своей сестрёнки. Единственного, возможно, существа противоположного пола, которое я любил чистой и искренней любовью. В этот миг мне сделалось так хорошо и спокойно, что я улыбнулся. И попытался вдохнуть...

– Придурок! – услышал я вопль Талли и закашлялся, отплёвывая воду.

Она вытащила меня из ванны, бросила на пол лицом вниз.

– Мне что, с тобой в одной ванне сидеть, чтобы ты не захлебнулся?!

Вот, блин! А ведь Талли предупреждала, что я могу утонуть в ванне. Надо ж было показать себя таким идиотом! Но стыда почему-то не было. Напротив, меня разобрал смех.

– А было бы неплохо, – прохрипел я, поднимаясь. – Может, я потёр бы тебе спинку.

Талли непонятно когда успела вытереться и теперь стояла передо мной в халате, уперев руки в бока. Услышав мои слова, она презрительно фыркнула:

– Даже не старайся. Тебе не взять эту силу в оборот. Одевайся и пошли завтракать.

Глава 5

Завтракали в помещении, как две капли воды похожем на все остальные. Каменный зал, факелы на стенах. Круглый каменный стол и каменные стулья. Даже не знаю, кем надо быть, чтобы считать это место домом и любить его. Наверное, кем-то вроде Талли. Она опять была в своём платье. После того, что я пережил в купальне, её высокая грудь, обтянутая чёрной материей, меня не особенно распалила. К тому же проснулся аппетит.

Стол был накрыт по-царски. Семья наша не бедствовала – по крайней мере, до тех пор, пока не сгорела квартира, – но такое изобилие я видел впервые. Посередине лежал запечённый поросёнок, его окружали блюда с птицей. Курицы я не увидел, всё это были, кажется, какие-то дикие птицы, может, фазаны, кто их разберёт. От вазочек с разноцветными пёстрыми салатами, соусами, красной и чёрной икрой рябило в глазах. В закрытой посуде томились рагу и разнообразные супы.

Талли мне прислуживать явно не собиралась. Она села напротив, бросила себе на тарелку немного салата и принялась мрачно жевать. Фигуру блюдет, не иначе. Я наложил себе в тарелку понемногу из разных блюд и приступил к еде.

Сперва мне показалось, что еда вовсе безвкусная, но это ощущение быстро прошло. Просто мне, возможно, впервые в жизни досталась пища, не содержащая никаких «Е», в том числе глутамата натрия. Овощи и мясо из мира, в котором воздух свеж, а вода – чиста.

– Не думай, что тебя так каждый день будут потчевать, – одёрнула меня Талли, видимо, раздражённая блаженным выражением моей физиономии. – Считай это торжественным обедом в честь прибытия. Мы, как-никак, перед тобой виноваты и... В общем, считай, что мы так извиняемся.

– Завтраком, – уточнил я.

– Что?

– Торжественным завтраком.

Талли бросила на меня уничижительный взгляд и, подвинув к себе кубок, налила в него из кувшина что-то красное. Вино?

Я пошарил глазами по столу и обнаружил неподалёку такой же кувшин. Налил себе, пригубил – точно, вино. Раньше я не слишком-то увлекался спиртными напитками: не было друзей, чтобы хлебать самогон за гаражами, а дома алкоголь появлялся лишь по праздникам. Но сейчас, попробовав этого терпкого, ароматного напитка, я понял, что придётся себя ограничивать. Казалось, чем больше пьёшь, тем больше хочется.

Пиковая сила Огня – 15,1

Алкоголь, красивые девушки... Чем ещё меня здесь будут «разжигать»? Карточные игры? Дикая танцы? Сафари? Чтобы сохранить душу, я, выходит, должен противостоять любым искушениям. Очень свежая задумка, почти ничего из родного мира, блин, не напоминает.

– А воды нет? – спросил я.

– Есть, конечно, – сказала Талли. – Но их цитадель на востоке, далеко отсюда.

– Ты о чём? – озадачился я.

– О клане Воды, конечно. А... А! Ты имеешь в виду... Прости. – Она прикрыла рот ладошкой и хихикнула, видимо, смутившись. – Возьми другой кувшин, справа.

В этот миг я почувствовал к ней какую-то чисто человеческую симпатию, не зависящую ни от красивого лица, ни от безукоризненного тела. Однако миг этот быстро прошёл. Талли потеряла ко мне интерес и стала прежней высокомерной стервой.

Я разбавил вино водой и налёг на еду. Силы мне понадобятся, что бы там дальше со мной ни делали.

Новая одежда ощущалась непривычно. Она состояла из мягких серых штанов и такого же серого не пойми чего. Я назвал это про себя камзолом и, раз уж это слово получилось произнести, хотя бы мысленно, значит, камзолы в этом мире как минимум существовали. Хотя кто знает, как там переписывалась лингвистическая база. Может, я просто воспринимаю какое-то другое слово так же, как...

Впрочем, от размышлений о словах быстро начинала болеть голова, и я оставил это. Одежда как одежда, Огонь с ней, в самом деле. Прикрывает, что надо, от холода защищает. Чего с неё ещё требовать?

- Мы ведь под землёй? - спросил я, утолив первый голод. - Я не видел окон.

Талли, как птичка, продолжала поклёвывать свой салатик. В ответ она кивнула.

- Молодец, соображаешь. Да, жилище дяди находится глубоко под землёй. Но Огонь заточен ещё глубже. Так глубоко, что нам туда не пробраться.

В голове у меня уже начало что-то складываться, но многого я ещё не понимал. Мне требовалось множество ответов.

- Огонь во мне или глубоко под землёй?

- И там, и там.

- И как это возможно?

Талли вместо ответа повела рукой, показывая на стены. Я посмотрел туда. Там горели факелы.

- Где огонь? - спросила Талли.

- На факелах.

- На каком из них?

- Ну... - Я задумался. - Ладно. Кажется, я немного понимаю, но...

- Дождись вечера. Дядя с тобой поговорит, и ты всё поймёшь.

- Но...

- Ты, кстати, так и не назвал своего имени. Как тебя зовут?

С именем вышла заковыка. Произнести его я худо-бедно смог, хотя в голове то и дело вспыхивала боль, застилающая мир белым светом. Но вот повторить его у Талли не получалось от слова «совсем».

- Как-как? - морщилась она. - Диамитирай?

- Нет, - стонал я и предпринимал ещё одну попытку.

- Митридар?

- Нет!

Наконец Талли махнула рукой и подвела итог нашим страданиям:

- Ничего похожего на твоё имя в нашем мире нет. Значит, придётся взять новое. Будешь Мортегар. Сокращённо - Морт. Морти. Нравится?

Я всерьёз задумался, мысленно повторяя слово. Оно мне не то чтобы нравилось, но от него хотя бы голова не болела, да и звучало вроде солидно. Ладно, какая разница, меня хоть горшком назовите, только в печку не ставьте опять. Я пожал плечами, принимая имя.

Когда я наелся и, потяжелевший, встал из-за стола, возникла неловкая пауза.

- И чем мы будем заниматься до возвращения почтенного Мелаирима? - спросил я.

Талли пожала плечами. Видимо, развлекательную программу она продумать не успела.

- Можно сходить в купальню, - выдала она свой максимум.

- Может, хватит на сегодня?! - возмутился я. - Там, откуда я родом, с девушкой принято для начала хотя бы погулять, держась за руки.

- Я же просила не досаждать мне воспоминаниями! - прикрикнула Талли, но тут же просияла. - А идея хорошая. Давай с тобой прогуляемся в одно место. Это безопасно, но ты дяде не рассказывай. Хорошо?

О, значит, у нас появится совместная тайна? Мне нравится. Мне, собственно, и идея с купальней тоже очень понравилась, но если бы я не был в глубине души безнадежным романтиком, моя жизнь была бы куда проще.

* * *

Бесконечными коридорами мы прошли куда-то в самую глубь дома Мелаирима и оказались в помещении, похожем на музей. Здесь громоздились сундуки, обитые золотыми полосами, на столах стояли статуэтки, изображающие людей и зверей. Одни были золотыми, другие - серебряными, третьи - бронзовыми. Талли не дала мне задержаться и рассмотреть их. Факел несла она, и мне приходилось идти за ней.

Девушка остановилась у одной из картин, что висели на стенах. Подняла факел повыше, видимо, приглашая меня полюбоваться. Я встал рядом с ней.

На картине был изображён прекрасный город. Изящные здания, будто соревнуясь друг с другом, стремились в небо. Постройки поменьше собирались в лабиринты. Все оттенки красного и жёлтого пестрели на старом холсте.

- Это Ирмис, - сказала Талли с благоговейным придыханием. - Великий город клана Огня в годы его расцвета. Я видела его только на этой картине. Полюбуйся, Мортегар. Запомни его великолепие.

Я любовался и запоминал. Город и вправду был красив, но больше всего меня радовало то, что Талли прекратила выпендриваться и, кажется, стала настоящей. Она показывала мне что-то, имеющее для неё огромное значение. И даже если бы это была выгребная яма, я бы так же почтительно молчал.

- А теперь идём.

Она сделала шаг в сторону и положила руку на глухую каменную стену. Закрывает глаза, что-то шепнула, морщась, будто называла имя неприятного ей человека, и на её руке проступил круг с заключённым в нём символом. Символ напоминал две скалы, одна из которых наполовину скрывалась за другой.

- Что это? - спросил я.

- Печать клана Земли, - презрительно отозвалась Талли. - Руна Беркана. Мне пришлось её принять. - Она будто оправдывалась.

Вот, значит, какую печать спрашивал с меня тот монах. Ну вот и ещё один кусочек головоломки становится на место. Маленький, но существенный.

По стене пробежала трещина, и вдруг как будто каменная дверь отворилась. Я услышал стон земли и камня, от этого звука по коже пробежали мурашки. Перед нами образовался коридор, переходящий в лестницу. Ступени вели вперёд и вверх.

- Идём, - тихо сказала Талли и, коснувшись моей руки, шагнула внутрь.

Мы шли минут десять и всё это время не разговаривали. Чувствовалось, что Талли не в настроении болтать. Наконец впереди забрезжил свет. Вскоре я начал щуриться, а потом и вовсе поднял руку, прикрывая глаза.

Мы вышли на узкую площадку, выступающую из скалы. Когда глаза привыкли к солнечному свету, я посмотрел вниз, потом - вверх. Похоже, мы поднялись из подземелья сквозь тело скалы. Стояли высоко, но ещё выше поднимались над нами скалы.

- Вот что осталось от Ирмиса, - сказала Талли.

Я проследил за её взглядом и не увидел ничего. Ничего, кроме уходящей за горизонт чёрной однородной равнины.

– Они обратили силу Огня против него самого. Заставили Огонь испепелить самые свои основы. А потом запечатали его, ослабшего, в вулкане, и подкармливают жертвами, чтобы он не издох совершенно. Они думают, что приручили Огонь, сделали его своим рабом... Но как же они ошибаются!

В глазах Талли блестели слёзы. Я робко коснулся пальцами её руки, и она позволила мне это.

– Кто «они»? – спросил я.

– Маги трёх кланов. Земля, Вода и Воздух. Трусливые подонки убоялись необузданной силы и подлостью подчинили её себе.

Талли повернулась ко мне, и глаза её вспыхнули.

– Вот зачем ты здесь, Мортегар. Ты освободишь Огонь, и мы всех их поставим на колени.

Глава 6

Остаток дня прошёл скучно. Талли показала мне мою комнату, потолкалась там несколько минут и ушла, как я понял из её туманных объяснений, в купальню. Она, похоже, какая-то купальная маньячка. Впрочем, я её понимал. Будь у меня такое тело, я бы тоже в одежде не задерживался.

Комната уютом не отличалась. Это было, наверное, самое маленькое помещение во всём подземном дворце. Помещались тут с грехом пополам каменная кровать, каменный стол и каменный стул, который я сумел подвинуть не без натуги.

Самое же скверное было то, что дверь в комнате отсутствовала напрочь, равно как и двери во всех остальных помещениях. Это было как минимум странно. Надо будет выпросить у Мелаирима хоть шторку какую-нибудь, а то не дело это.

Талли оставила мне один факел, который горел в держателе на стене, давая яркий ровный свет. Если бы я был из геймеров, я бы, верно, и внимания не обратил: горит себе да горит, код у него такой. Но я был слишком отравлен реалом и заинтересовался: сколько ещё эта дубина будет гореть?

Я подошёл к факелу, присмотрелся. Почесал затылок. Оч-ч-чень интересно. Помнится, у монахов в святилище факелы были правильные – палки, обмотанные горячей паклей. Здесь же я видел медную трубку с медной же площадочкой сверху, на которой плясал огонь. Сколько ни присматривался, я не обнаружил ничего похожего на сопло, из которого подавалось бы горючее. Единственное, что я нашёл – выгравированное на медной площадке изображение какой-то руны, напоминающей самую обычную галочку, но заключённую в круг и оттого выглядевшую солидно. Руна светилась красным, хотя возможно, это огонь так играл на красной меди.

«Просто магия, – сказал я себе, – расслабься». И завалился на кровать. Вот прямо в одежде, на покрывало. Ноги в кожаных сапогах положил на спинку кровати, руки сцепил на затылке и с интересом уставился в потолок.

Интереса хватило ненадолго. Я никогда не любил, да и не умел просто и целенаправленно размышлять. Если я сталкивался с задачей, которая не хотела решаться «вотпрямчас», я спокойно отвлекался на что-то попроще, зная, что, когда будет надо, решение само придёт в голову.

Сейчас передо мной никаких задач не стояло. Разве что решить, враги мне Мелаирим и Талли или же друзья. С одной стороны, они меня похитили. Значит, враги. С другой – спасли от жертвоприношения. Значит, друзья. С третьей, спасли они меня для того, чтобы я умер и возродил огонь. Значит, враги. С четвертой, я видел Талли голый в ванне. Значит...

Так, стоп! Я замотал головой, разбрасывая глупые мысли по углам. Этим всегда и заканчиваются мои попытки рассуждать логически. Надо тормознуть с логикой, пока не повзрослею и гормоны не успокоятся.

Да и какая, в конце концов, разница? Враги, друзья... Я один в незнакомом мире, где уже успел осквернить святилище, и мне, как следствие, никто не рад. А эти двое накормили меня, напоили и приютили. Какие варианты? Будь у меня суперсила – другой разговор, но я пока не ощущал в себе даже отдалённого её

подобия. Попробовал было зажечь огонь на ладони, как у киношных магов, но – увы. Кажется, мне чего-то не хватало.

Тогда я достал из кармана новых штанов свой смарт и попробовал включить. Тут мне повезло больше. Китайская приبلуда на полном серьёзе взялась работать.

В этот раз экран с ПИН-кодом меня не озадачил. Я, стараясь не вникать в цифры, использовал мышечную память. Со второй попытки экран разблокировался.

Сложно сказать, чего я хотел от смартфона, который даже назвать-то в этом мире никак не мог. Наверное, кусочка прежней жизни. Я не смог бы прочитать ни одной книги, ни одного комикса из всей той огромной библиотеки, что хранилась в памяти. Будь у меня какие-нибудь фильмы, я не понял бы и слова из них. Не было смысла и тарашиться в череду эсэмэсок, каждая из которых выглядела ничуть не приветливей какой-нибудь древнешумерской надписи.

Тогда я зашёл в «галерею» и полистал картинки. Их там было небогато. В основном мультяшные. Сейчас они казались такими глупыми и далёкими... Найдя фото сестрёнки, я прикусил губу, чтобы не заплакать. Если я всё правильно понял, она мертва. Сгорела заживо, в качестве жертвы за моё появление здесь. И я ещё думал, друзья мне или враги эти двое?! Я смел сомневаться?!

Я выключил телефон, чтобы не посадить батарею, и с яростным вызовом посмотрел в потолок. Вот и задачка образовалась. Если Мелаирим хочет, чтобы я ему в чём-то там помогал, пусть вернёт мою сестру. С того света. Как хочет. Он же маг, в конце-то концов, или где?!

* * *

Несмотря на благородную злость, терзавшую мне сердце, я уснул, а разбудил меня вернувшийся из академии Мелаирим.

– Ну как ты, осваиваешься? – спросил он ласковым голосом школьного психолога, заглядывая в мою комнату.

– Мелаирим! – воскликнул я, мстительно опустив «почтенный», и вскочил с кровати. – Мы наконец-то сможем поговорить? У меня много вопросов, и...

– Разумеется, – перебил Мелаирим, и звякнувший в его голосе металл заставил меня осечься. – Я планировал для начала поужинать, но, раз уж ты столь нетерпелив, милости прошу в мой кабинет. Где Таллена?

– В купальне, наверное, – сказал я.

– И давно? – почему-то расстроился Мелаирим.

Я пожал плечами. Мелаирим вздохнул и велел мне идти за ним.

Когда мы дошли до купальни, я понял, в чём заключался секрет отсутствия дверей. Они здесь были попросту не нужны! Мелаирим положил руку на стену, которая казалась совершенно глухой и цельной, и на тыльной стороне ладони проявилась чёрная печать с руной, немного другой, нежели у Талли. Стена раздалась, и перед нами открылся знакомый уже проход в купальню. Там и обнаружилась разомлевшая от горячей воды девушка.

– Кто тебе позволил оставить нашего гостя одного? – прорычал Мелаирим.

Дядька этот меня пугал. Он то казался ласковым, белым и пушистым, то вдруг смотрел так, будто убьёт – недорого возьмёт. Так же легко менялся и его голос. Одно я понял точно – бесить его не следует. Я мысленно скорректировал план предстоящей беседы, убрав оттуда пафосные выпады со своей стороны.

– Дядя! – взвизгнула Талли, красная не то от стыда, не то от горячей воды. – Я... Но он...

– Она была со мной всё время, – непонятно почему вступился я. – Но я уснул, и...

– Отойди, мальчик мой, – попросил Мелаирим, и я сделал шаг назад.

Мелаирим взмахнул рукой. Я успел заметить на ней теперь красную руну. А потом в руке запылал самый настоящий огонь. Мелаирим с размаху швырнул его в купальню. Послышалось шипение, завизжала Талли, и в коридор повалил

пар.

– Ты, верно, забыла, как я караю за ослушание? – прогрохотал голос Мелаирима. – Даю тебе минуту, чтобы привести себя в порядок.

Он закрыл стену обратно и устало оперся на неё спиной. Я стоял рядом, переминаясь с ноги на ногу.

– В былые времена я бы её и на лигу к тебе не подпустил, – доверительно сказал Мелаирим. – Но сегодня... Сегодня выбирать не приходится. Магов Огня почти не осталось в мире, а те, что остались, предпочитают носу не показывать. Таллена чудом выжила в той войне, лишилась обоих родителей. Я сумел её утаить и воспитал, как родную дочь. Но характер... – Тут он покачал головой. – Этот характер я отчаялся переломить.

– Зато она красивая, – возразил я.

– В этом её главная беда. Кроме своей красоты её ничего не волнует.

Вот это уж совсем неправда, хотел я возразить. Я вспомнил, как Талли плакала, глядя на покрытую пеплом равнину, бывшую когда-то городом. Но я вспомнил также, что девушка просила меня не рассказывать об этой нашей вылазке, и промолчал.

Наконец, стена раскрылась. Мелаирим ловко отшатнулся от неё и повернулся лицом к племяннице. Та вышла в чёрном платье, с распущенными, совершенно сухими волосами.

– Дядя Мелаирим, – поклонилась она с безупречной грацией. – Прошу простить меня за...

– Извинения недостойны мага Огня, – безжалостно оборвал её Мелаирим. – Выпрямись и смотри мне в глаза. Сейчас ты отправишься в академию, к главному входу. Там собирают второй и третий курсы. Отправишься в поля на ночную вахту.

– В поля? – переспросила Талли. – Это к деревенским, что ли?

– Именно так, – отрезал Мелаирим. – Оденься соответствующим образом. Болота внезапно разрослись сегодня утром, а к вечеру уже подтопило целый гектар. Ректор лично выезжал на место, я тоже. Нам удалось сдержать воду, но теперь, ты знаешь, главное не допустить повторения...

Но Талли, кажется, мало интересовали детали.

– Ты отправляешь меня заниматься мелиорацией?! – взвизгнула она. – Меня?!

– Тебя. Надеюсь, ты сумеешь извлечь из этого хоть какой-то урок. А утром жду тебя здесь. Пора начинать взрослеть.

Талли, судя по лицу, многое хотела бы ему сказать, но благоразумие взяло верх, и она промолчала. Развернулась на каблуках и пошла по коридору быстрыми, злыми шагами, высоко вскинув голову.

– Никакого огня, Таллена! – крикнул ей вслед Мелаирим.

– Уж об этом мог бы не говорить, – огрызнулась она.

– И берегись жаб! И лягушек! – В голосе Мелаирима звучала неподдельная забота.

Талли в ответ только фыркнула.

Когда она скрылась за поворотом, Мелаирим вздохнул и повернулся ко мне.

– Ну что ж... Теперь с тобой. Идём в мой кабинет, юноша. Там я попытаюсь ответить на твои вопросы.

– Мортегар, – сказал я вдруг.

Мелаирим вопросительно вскинул брови.

– Так меня зовут. Это... Это Талли придумала, – смутился я.

– Ну хоть что-то полезное она сделала, – улыбнулся Мелаирим и похлопал меня по плечу. – Хорошее имя, сильное.

Глава 7

Кабинет проректора находился за одной из стен. Чтобы его открыть, Мелаирим долго что-то шептал, и чёрная руна на его руке загадочно появлялась и пропадала. Похоже, сюда нельзя было даже Талли.

Внутри сразу, как только мы вошли, загорелись свечи на столе. Стол – сюрприз! – был каменным, как и стулья. Благо застелены они были мягкими шкурами. Мелаирим уселся на стул побольше, мне жестом указал на маленький.

Я сел и покрутил головой, пока Мелаирим набивал трубку. Выглядел он измождённым, и я не торопился наседать с вопросами: получить фаерболом в голову не очень-то хотелось.

Кабинет был огромен, но большую часть пространства занимали стеллажи с книгами. Книг было столько, сколько мне не приходилось видеть ни разу, даже в краевой библиотеке. Хотелось их потрогать, полистать. Настоящие такие древние тома, переплетённые в кожу, с пергаментными, должно быть, листами. К тому же я, вероятно, сумею их прочесть, раз уж мне так любезно перезаписали лингвистическую базу.

– Это малая часть наследия клана Огня, – сказал Мелаирим, проследив за моим взглядом. – То, что мне удалось спасти. Спас бы больше, но пожертвовал многим ради Таллены. Иногда жалею о выборе, который сделал...

Да уж, хорошенькое тут отношение к человеческой жизни. Лично я ни минуты не раздумывал бы, будь у меня выбор: спасти ребёнка или лишнюю тысячу книг. Книг в интернете накачать можно, если вдруг что. Хотя...

– Давай к делу, – сухо сказал Мелаирим, сделав пару затяжек; табак пах приятно, куда лучше, чем сигареты. – В твоём мире магии не существует, иначе мы бы не смогли тебя вытащить. Ну а здесь у нас всё держится на магии. Магия,

в свою очередь, черпает силы от четырёх первостихий: Земли, Воды, Воздуха и Огня. Каждый, в ком есть предрасположенность к магии, может выбрать клан по вкусу, получить печать и совершенствовать навыки.

– Ага, – глубокомысленно сказал я. – Значит, без печати я ничего не смогу?

Мелаирим улыбнулся, выпустив струйку дыма. Показал на меня черенком трубки, невольно напомнив Сталина.

– А ты смышлён. Да, всё верно. Давным-давно, когда только были созданы люди, из них выделились и магистры – хранители печатей, главы четырёх великих кланов. Только они либо уполномоченные ими люди могли вести отбор. Когда дело касается магии, хаос недопустим. Малейшая неосторожность может серьёзно поколебать баланс стихий и поставить мир на грань катастрофы. Поэтому число магов в кланах всегда примерно одинаково.

– Как же так получилось, что в клане Огня остались только двое? – спросил я.

Глаза Мелаирима сверкнули, но он сдержал свой гнев. Медленно, закусив зубами черенок, втянул дым, выпустил его через ноздри и заговорил:

– Это не так легко объяснить, Мортегар. Даже будь ты учёным мужем, мы бы долго беседовали, чтобы прояснить, как главы трёх кланов выстроили своё предательство. Они посчитали, что Огонь опасен. Огонь постоянно надо было кормить. Кланы увеличивали свою численность, и Огонь требовал всё больше жертв, преступников уже не хватало.

Можно было прекратить набирать новых магов, и со временем ситуация бы улучшилась, но увы. Слишком много давалось взяток знатными людьми. Слишком многие учебные заведения готовились принять студентов. Слишком много всего взвалили на себя маги. И они посчитали, что самую опасную стихию можно лишиться магов и заточить глубоко в землю. Подробности описывать не буду... – Мелаирим поморщился, будто бы от дыма. – Но план заговорщиков удался. Ныне Огонь заточен под землёй, магов Огня официально не существует, а остальные три клана процветают и благоденствуют.

Представить такую революцию мне было тяжело, хотя бы потому, что я пока весьма отдалённо представлял себе окружающий мир, но суть я вроде уловил.

Это как в рок-группе. Четыре пацана с гитарами и барабанами выходят на сцену и становятся сенсацией, а потом барабанщику звонят и говорят, что нашли ему более профессиональную замену.

- Но Огню всё равно приносят жертвы, - сказал я.

- Ну разумеется! Им ведь не хочется, чтобы огонь погас в их каминах, в их трубках. Они любят горячую пищу, им нравится солнечный свет, и им нравится предаваться страстям! Всё это немыслимо без Огня, вот его и держат взаперти! Подкармливают жалкими крохами.

Жалкая кроха - это, видимо, я. Что ж, если Огонь требовал себе таких жертв постоянно, целыми вагонами, то я, пожалуй, готов понять остальных магов.

- Наш мир оказался закрыт для Огня, - продолжал Мелаирим. - Но никто не подумал о дверях в другие миры. Никто, кроме меня. Годами я изучал древние тексты и ставил эксперименты, прежде чем решился на эту вылазку. И что ты думаешь? Сила Земли здесь оказалась гораздо сильнее, и тебя притянуло в то святилище!

Он засмеялся, окутанный дымом. Я тоже улыбнулся. Ну да, теперь многое прояснилось. А заодно мы подошли к самому важному для меня вопросу. Но Мелаирим, видимо, решил, что время вопросов завершилось. Он выбил трубку, выдвинул ящик стола и достал оттуда золотой сундучок. Поколдовал над замочком, открыл его и повернул ко мне. Внутри лежали, видимо, печати. Круглые чёрные камни с вырезанными на них символами. Один я узнал - такой был на факеле, который горел у меня в комнате. Остальные тоже казались смутно знакомыми.

- Выбери руну, которая тебе по вкусу, - приказал Мелаирим. - Доверься сердцу, не думай. Этот выбор делаешь не ты, но Огонь внутри тебя. Ты ему просто не мешай.

Взгляд мой скользнул по камням и остановился на одном из них.

Выбор сделан. Руна Турисаз.

Но я не спешил.

- Ну же, - торопил меня Мелаирим. - Тебе нужна печать, чтобы стать магом, иначе ты не сумеешь взрастить в себе всю силу Огня!

- А может, я не хочу взращивать, - медленно проговорил я и поднял взгляд на Мелаирима.

Текущая сила Огня - 1,5. Пиковая сила Огня - 16.

Мелаирим улыбнулся, но я уже научился видеть жестокий оскал за его улыбками.

- Мальчик, ты не у себя дома. Если ты до сих пор не понял: ты полностью в моей власти. Если ты откажешься служить моим интересам, я просто убью тебя и призову нового.

- Да ну? - прищурился я, удивляясь сам себе. - А силёнок-то хватит ещё одного призвать?

Текущая сила Огня - 1,8. Пиковая сила Огня - 16.

Улыбка сползла с лица Мелаирима.

- Надо же, как хорошо приживается Огонь, - пробормотал он. - Это... несколько... неожиданно.

- В пожаре погибла моя сестра, - начал я самый важный разговор.

- Это необходимая жертва, - ответил Мелаирим.

– Моя сестра не жертва. Она вообще не в курсе ваших дел. И если вы хотите, чтобы я вам как-то помогал, у меня есть условие.

Мелаирим молчал, будто предлагая мне договорить до конца. Я глубоко вдохнул.

– Вы вернёте её. Сюда. Как хотите. Мне без разницы, насколько это будет сложно.

Мелаирим не выглядел задумавшимся. Он смотрел на меня как человек, уже принявший решение и пытающийся представить, каких усилий оно будет ему стоить. Я приготовился умереть...

– Это не будет очень сложно, – удивил меня Мелаирим. – Для мага моего уровня – ритуал простейший.

– Да? – только и пикнул я, разом обмякнув на стуле, будто из тела исчезли все кости.

– Что есть жертва? – развёл руками Мелаирим. – Умерщвлённая плоть и дух, отданный на утеху стихии. Плоть твоей сестры мертва, и пепел развеян, но дух её ныне томится в вулкане. Целый год она будет гореть там, пока пламя не пожрёт её полностью. Или... пока я не извлеку её оттуда.

– Ну, так чего же мы ждём? – вскинулся я.

– Жертвы, любезный Мортегар. Дух без плоти не удержится долго в нашем мире, да и не того ты от меня хочешь. Ты просишь вернуть твоей сестре жизнь. Для этого нам нужно раздобыть тело девушки, чью душу мы отдадим Огню взамен, только и всего. Если ты станешь магом Огня и выберешь жертву, я всё устрою, даю тебе слово.

На последних словах алая печать вновь вспыхнула на тыльной стороне его правой ладони.

Нерушимая клятва принесена. Огонь принял клятву.

Я сидел, переваривая услышанное и увиденное. Чувство было преотвратное. Я должен буду стать убийцей...

– Тебе не придётся никого убивать. – Мелаирим будто прочитал мои мысли. – От тебя потребуется только выбрать подходящую кандидатку, а я сделаю остальное. Теперь же выбери печать.

Взгляд мой вновь притянуло к руне Турисаз, но я вдруг разозлился. Какого, собственно, Огня дурацкие буквы перед глазами говорят, что я должен делать? За меня и так уже нарешали столько, что хоть плачь. Если мне суждено сгореть в Огне вселенского пожара, то хоть частушки при этом я буду петь свои, пусть и на чужом языке.

Я схватил камень, на котором была изображена руна, похожая на какую-то цифру моего мира. Цифру, стёртую из памяти, но слишком отчётливо прописанную в каких-то более глубоких слоях сознания, чтобы исчезнуть совершенно. Схватил и сжал что есть силы.

Руна Турисаз – отмена выбора. Выбор сделан – руна Тейваз.

А потом руку пронзила боль. Я как будто держал раскалённый докрасна кусок металла, который уже спалил кожу и сейчас прожигал плоть, приближаясь к кости.

Я заорал, вскочил. Хотел разжать пальцы, но они не слушались. Должно быть, сухожилия сгорели, или что там отвечает за движения пальцев?! Я тряс рукой, задыхаясь от боли, не в силах даже продолжать кричать, только скулил время от времени.

Кажется, кость прожгло насквозь, и я замер, увидев на тыльной стороне ладони алый круг с выбранной мною руной в центре. Символ вспыхнул ослепительно ярко и погас. Контур печати истаяли.

Ко мне вернулась власть над рукой. Я разжал пальцы, и камень брякнулся на стол.

Новый статус – маг Огня. Ранг – 0. Специализация – ученик общего профиля.
Текущая сила Огня – 3.

– Поосторожнее, – проворчал Мелаирим, подняв камень и бережно пряча его в сундучок. – Это единственный набор печатей Огня. А нам придётся набирать сторонников. Рано или поздно. Я надеюсь.

Я повернул руку и посмотрел на ладонь. Розовая кожа, никаких ожогов. Разве что чуть покраснела.

– Печать ты можешь вызвать в любой момент по своему желанию, – сказал Мелаирим. – Достаточно захотеть. Но лучше бы тебе этого не делать, особенно если рядом находится кто-то не из нашего клана. Помни, магия Огня не то что запрещена – её не существует. Если кто-нибудь увидит...

Договаривать Мелаирим не стал, но моё богатое воображение на него не обиделось. Да и в памяти всё ещё живы были ощущения от знакомства с добродушными магами Земли.

Я посмотрел на огонёк стоящей на столе свечи. Прищурился...

В потолок ударил целый огненный фонтан, как будто кто-то лупил из огнемёта. Я вскрикнул и попятился. Мелаирим вскочил, взмахнул плащом и накрыл, повалил свечу. Я закрыл глаза, ожидая разноса...

– Неплохо, – сказал Мелаирим. – Совсем неплохо. Но тебе нужно тренироваться под присмотром грамотного руководителя. Завтра Таллена займётся тобой.

Глава 8

Талли вернулась домой под утро и помогла мне потушить пожар в комнате.

– Спасибо, – сказал я, тяжело дыша. – Честное слово, оно само.

– Угу, – только и сказала Талли.

Выглядела она усталой, даже измождённой, но ей это странным образом шло. Как и мужская одежда, подобная моей. Правда, от неё ощутимо несло тинной и костром, что было уже не так романтично. Хотя...

– Что сказал дядя? – спросила она.

Почтенный Мелаирим ни свет ни заря отбыл в академию, решать какие-то вопросы, и с племянницей, надо думать, разминулся.

– Сказал, что ты меня потренируешь, – сказал я.

– Печать поставил?

Я гордо поднял руку. Талли скользнула по ней взглядом, устало фыркнула:

– Тейваз? Ну да, конечно. А, ладно. Мне-то что за дело. Жди меня в святилище.

Я попытался было предложить повременить с тренировкой: Талли, судя по её виду, необходимо было хоть пару часов поспать. Да и я чувствовал себя не лучшим образом: как-никак, тоже ночь не спал, весь график сбился. Но Талли наградила меня злым тяжёлым взглядом и повторила приказ.

Я отправился блуждать по коридорам, оставив дымную комнату с испорченным постельным бельём.

Как я успел понять, моя магия Огня пока ограничивалась тем, что я мог воздействовать на уже горящий огонь, да и то на уровне «сделать хотел козу, а получил грозу». Вот как раз такую «грозу» я и получил, когда пытался устроить красивую огненную дугу, идущую от факела к моей руке. Даже испугался немного.

Святилище я нашёл сразу, меня как будто вело что-то. В помещении ничего не изменилось: всё так же стояла статуя женщины в длинных одеждах, так же

горел у её ног огонь. Я, почувствовав себя более-менее опытным магом, приблизился и, встав на колени, осмотрел пол. Так и есть, под пляшущим огнём обнаружилась руна.

Руна Кеназ. Факел.

Вот, кстати, да. Надо бы разобраться с этим внутренним голосом в виде букв. Если это не какой-то интерфейс компьютерной системы – а он, прямо скажем, для интерфейса малофункционален, – то что это? Талли как-то обмолвилась, что, мол, Огонь говорит со мной. Ну а что он, нормально поговорить не может? Мол, привет, Мортегар, я Огонь, давай дружить.

– Немедленно встань, перед Огнём не стоят на коленях, – сказала Талли, входя в святилище.

– Да я и не стоял, – сказал я, поднимаясь. – Просто пытался рассмотреть руну...

– Правда? – Талли остановилась и сплела руки на груди. Теперь она опять была в своём чёрном платье и выглядела посвежевшей, не иначе в купальню заглянула. – Когда я зашла, ты на коленях стоял?

– Ну...

– А перед тобой что горело?

– Я понял! – поднял я обе руки, будто сдаваясь.

– Что ты понял?

– Талли всегда права. Если Талли не права – смотри пункт первый.

Я видел, чего ей стоило сдерживать улыбку. Кажется, мне удалось ей польстить этой бородатой шуткой. А «интерфейс» меня внезапно удивил, выдав следующее:

Применение силы Огня для обольщения противоположного пола. Возможность разблокирована.

Вот чувствовал же, что не совсем я это говорю. Я бы не осмелился. Сделать девушке комплимент, даже шуточный, – это ж какое надо самомнение иметь. Надо быть уверенным, что она захочет его принять или хотя бы в лицо не плюнет. Мне до таких высот было лететь и лететь.

– Ладно, – справилась с собой и вновь стала серьёзной Талли. – Начнём с тех слов, что ты видишь. У каждого это по-своему. Большинство вообще ничего не видят, только чувствуют. Некоторые слышат голос. У кого-то буквы, как у тебя. Дело в том, что стихия сама по себе лишена разума. Ну, по крайней мере, нам она этот разум показывать не хочет. Поэтому, принимая силу, ты как бы предоставляешь ей свой разум, и она находит самый подходящий для тебя способ взаимодействия. Скажи, если говорю непонятно.

Но я как раз схватывал на лету. Это, видимо, как у аудиалов и визуалов: одни лучше на слух воспринимают, другие – глазами. А стихия – подстраивается. Я вот с детства читать люблю – само собой, мне достались буквы. Ну и общий тон наверняка взят из моей же памяти: недаром у меня ощущение, будто я говорю с компьютерной программой.

– Самые важные вещи Огонь покажет тебе и так, – продолжала Талли. – Но ты можешь делать запросы. Для этого просто сосредоточься и спроси что-нибудь конкретное.

– Что например? – подзавис я.

– Да всё что угодно. Что тебе интересно? Ты в этом мире второй день. Неужели уже во всём разобрался?

Я задумчиво покрутил головой и, увидев статую, обрадовался. Сдвинул брови – так я понял приказ «сосредоточиться» – и мысленно спросил: «Что это за женщина?»

Огонь. Женская ипостась – Пламя, Искра, Страсть. Стихия не имеет половой соотнесённости, люди сами выбирают, чьей силой пользоваться.

– Так значит, – вырвалось у меня, – во мне живёт женская ипостась Огня?

– Не расстраивайся, – подмигнула Талли. – Некоторым девочкам такое даже нравится.

– Но это же бред! – воскликнул я. – Если вы хотите войны со всем миром, то почему не поклоняетесь мужику?!

– Во-первых, – подошла ко мне и зарядила подзатыльник Талли, – Огню не поклоняются. Ещё раз такое ляпнешь – убью. Во-вторых, – ещё один подзатыльник, – кто тебе сказал, что мужчина-воин сильнее женщины-воина? А в-третьих... – От третьего подзатыльника я уклонился. – А в-третьих, это единственная статуя, которую дяде удалось спасти из Ирмиса.

– А маги Земли, – вспомнил я статую в осквернённом мною святилище, – они, выходит, покло... э-э-э... служат мужской ипостаси?

«Служат», видимо, тоже было не совсем подходящее слово – Талли поморщилась. Но от подзатыльников воздержалась, уже успех.

– Здесь – да, – сказала она. – Но тут военная академия и гарнизон рыцарей, вот и...

– Ага! – торжествующе выпалил я. – Всё, молчу.

– Лучше бы ты раньше начал, – прошипела Талли. – Ладно, хватит трепотни. Тебе нужно открыть дерево заклинаний.

Как я и предполагал, для полноценной магии нужны были заклинания. И они, что самое интересное, были! Сложные, мудрёные слова на древнем праязыке, от которого тот язык, что во рту, мог переломиться в любую секунду. Некоторые были такой длины, что теряли всякий смысл. Пока в бою что-то такое скажешь, тебя уже десять раз убьют.

Талли же легко и непринуждённо выпаливала эти несусветные заклинания, и я, раскрыв рот, смотрел то на огненные струи дождя, то на огненные смерчи, летающие по святилищу.

– Плетение заклятий – сложный навык, – сказала она, нарезвившись. – Этому в академии обучают только на последнем курсе, и то поверхностно. Считается, что магу нет большой необходимости обращаться к первоосновам. Есть множество заклинаний, сокрытых за обычными словами. Тут просто: надо произнести эти слова, и магия высвободится. Но для начала тебе нужно их увидеть. Дай руку.

Я протянул ей руку. Печать на тыльной стороне ладони вспыхнула сама по себе. Талли накрыла её своей ладонью и зажмурилась. Я услышал её глубокое, медленное дыхание.

– Глаза закрой, – тихо сказала она. – Наши силы должны ощутить друг друга.

Я послушно опустил веки. В темноте увидел вспыхнувшую руну Тейваз, а рядом с ней загорелась другая, похожая на перевернутую птичью лапку. Они совместились и ослепительно вспыхнули. Мне хотелось зажмуриться, но я обнаружил, что и так стою с закрытыми глазами. Впрочем, свет быстро потускнел, и я остался в темноте.

– Я, маг третьего ранга Таллена, беру в ученики мага без ранга Мортегара, – громким шёпотом произнесла Талли. – Клянусь обучить его всему, что должен знать и уметь маг. Клянусь нести ответственность за его ошибки. Клянусь защищать его от опасностей.

Она замолчала, а у меня перед глазами вычертились огненные буквы. Кажется, мне полагалось читать вслух, что я и сделал – шёпотом, с небольшой хрипотцой.

– Я, маг без ранга Мортегар, принимаю как учителя Таллену, мага третьего ранга, и клянусь выполнять все её приказания, добросовестно учиться и тренироваться, чтобы стать достойным звания мага Огня.

Буквы исчезли, вновь вспыхнула соединённая руна. Она разделилась на две. Сначала исчезла руна Талли, потом – моя.

Новый статус – ученик мага. Дерево заклинаний доступно.

Талли отпустила мою руку и вздохнула, будто после тяжёлой работы. Впрочем, я, открыв глаза, тоже почувствовал себя вымотанным.

– Это нормально, – успокоила Талли. – В академии в день посвящения больше никаких занятий не проводят. Только пирушка и отдых. Но ты, если хочешь, можешь попробовать пару заклинаний.

Я опять закрыл глаза, слушаясь интуиции. Подумал: «Заклинания». Перед глазами тут же нарисовалось огненное дерево, большая часть которого, Впрочем, выглядела тускло.

Доступен базовый набор заклинаний «Управление огнём».

Н-да, негусто. Список из едва ли десяти заклинаний поверг меня в уныние. Но с чего-то надо начинать. Так, что тут у нас... «Приручение», «Скульптор», «Умножение», «Перемещение»... Ну, например, вот...

– Умножение Огня, – произнёс я, глядя на пламя, горящее перед статуей.

Сначала показалось, будто у меня что-то со зрением. Потом я моргнул и вскрикнул: весь пол был усеян огнями, они окружали нас с Талли и горели так же ровно, как и первоначальное пламя. Нет, не просто так же. Это был тот самый огонь, просто повторенный множество раз, и движение языков всех огней было абсолютно одинаковым.

А вот интересно: они жгутся? Я наклонился, вознамерившись потрогать пальцем ближайший...

– Вот дурак, – вздохнула Талли, когда я сунул в рот обожжённый палец. – Но заклинание неплохо удалось. Только в другой раз представляй сразу, сколько

хочешь копий и где они должны расположиться. А то и до пожара недалеко.

Я, опять же интуитивно, осуществил некое волевое усилие, по ощущениям напоминающее взмах рукой, и огни погасли. Все, кроме одного, конечно же.

– Да у тебя хороший потенциал, – вновь похвалила меня Талли. – Ладно, на сегодня пока хватит. Завтракать будешь?

Я кивнул и пошёл вслед за Талли прочь из святилища.

Текущая сила Огня – 8. Пиковая сила Огня – 16.

Я вздохнул. Сила росла, и это наполняло меня одновременно щенячьим восторгом и детским страхом.

Глава 9

Всю подневольность своего положения я осознал довольно скоро. Меня держали в подземном «дворце», откуда я не мог выбраться при всём желании. Мелаирим и Талли входили и выходили совершенно свободно, потому что у них были печати Земли. А у меня была только печать Огня, и стены меня не слушались. Я даже в комнате не мог закрыться! А порой хотелось психануть и хлопнуть дверью. Вот, значит, какво первозданному Пламени быть заточённым в недрах Земли. Но меня хоть кормили неплохо – чаще, чем раз в год.

Тренировки с Талли проходили всё интереснее, я осваивал новые и новые простые заклинания, прокачивая свою огненную силу. Особенно мне нравилось заклинание «Скульптор». Применяв его, можно было заставить огонёк принять любую форму. Чем больше деталей вспоминалось, тем лучше получалась скульптура.

На словах просто, на деле – попробуй сделай! Сидишь, щуришься, шипишь сквозь зубы, а руки так и тянутся – поправить, разровнять... Огонь мне, конечно, вреда не причинял, но и ощущения от ожога хватало, чтобы утратить концентрацию. Пламя немедленно теряло форму, и заклинание приходилось творить заново.

Спустя неделю мне удалось изобразить вполне себе сносную ромашку (вообще хотел розу, но потом понизил планку).

– А я думала, у нас мальчик будет, – ехидно заметила Талли, как раз в этот момент заглянувшая в святилище, где я отрабатывал навыки.

Я, разумеется, дико смутился и попытался на ходу превратить ромашку в меч. Получилось нечто до такой степени несуразное, огромное и вяло фаллическое, что Талли, взыв от смеха, выбежала прочь. Ну и Огонь с ней. Дура.

На следующий день, пытаясь нарисовать Огнем с натуры саму Талли, я спросил: какой вообще смысл в этом заклинании? В бою ведь всё равно, чем ты во врага кинешь: огненным шаром или огненным пони.

Талли в ответ посмотрела на меня, как на идиота.

– Это красиво, – сказала она.

– И всё?!

– А что ещё? Разве в твоём мире нет такого понятия, как искусство?

– Ну, есть, но... Какой смысл создавать скульптуру, если она исчезнет сразу, как ты отведёшь взгляд?

– А какой смысл в скульптуре, которая исчезнет через век или тысячу лет? Произведения искусства согревают сердца смотрящих и живут в памяти вечно. В Ирмисе был целый орден Творцов, и люди каждый день ходили смотреть на созданные ими изваяния и представления. У самых искусных изваяния двигались и разыгрывали пьесы.

– Двигались? – выдохнул я, глядя на кривого уродца, который у меня получался вместо высокой стройной девушки. Его хотелось пристрелить, чтобы не мучился. Примерно так я и сделал.

– Ты всё? – с усмешкой спросила Талли. – Продолжим завтра?

– А какой смысл? – пожал я плечами. – Мне до таких высот, как ты говоришь, лететь, пер... Ну, в общем, высоко лететь. И ради чего? Кто будет смотреть мои скульптуры? Ты и Мелаирим?

– Ты прекрасен, – без тени насмешки сказала Талли. – Ты великолепен! Именно такой и был нам нужен: жалкий слизняк без цели, без воли, без чувства прекрасного. Тем легче Огонь займёт место твоей воли. Ты ему только окрепнуть дай! А что до заклинаний, то мне лично без разницы, какое ты прокачивать будешь, лишь бы ранги поднимались, без этого от тебя толку чуть. Хочешь, найди другое. Но если вдруг поможет, я могу и голой попозировать. Так или этак, а куда-то мы продвинемся. Подумай до завтра.

И она, подмигнув, ушла. Оставила меня, униженного, раздавленного и возбуждённого до крайних пределов. Разумеется, воображение тут же заполнила голая Талли, неподвижно застывшая передо мной.

В своих чувствах к Талли я до конца не разобрался, как и в её чувствах ко мне. То, что она была самой шикарной девушкой из всех, что я видел по эту сторону смартфона, сомнению не подлежало. Когда она бывала в дурном настроении, я прикусывал язык. Стоило ей улыбнуться, и я начинал болтать без умолку.

По всем статьям я подходил под определение «влюблённый дурачок», за одним исключением: влюблённым я себя не чувствовал. Чего-то не хватало. Какого-то касания душ, что ли. А Талли, хоть и приближалась несколько раз к этой черте, переступить её не спешила, потому что ей на мою личность было, в сущности, плевать. Откуда я, в конце концов, знаю, может, у неё там, наверху, парень есть.

Мелаирима я видел редко. Видимо, студентке второго курса исчезать было проще, чем проректору, поэтому я, по сути, жил с Талли. Каждый раз, почтив меня своим присутствием, Мелаирим задавал какой-нибудь неожиданный вопрос, а ответов порой и вовсе не слушал. Просто смотрел, улыбаясь, мне в лицо и что-то там себе понимал.

- Скучаешь по родителям? - озадачил он меня однажды.

- К... конечно! - выдавил я.

На самом деле, к стыду своему, о родителях я почти не вспоминал. Они всегда присутствовали в моей жизни как данность. Рано уезжали на работу, поздно возвращались. Иногда мы целыми неделями общались исключительно при помощи записок, прилепленных к холодильнику.

Если я по кому и скучал, так это по сестрёнке, с которой мы, по сути, вдвоём и жили. Об этом я тут же, спохватившись, сообщил Мелаириму. Но он будто меня не услышал. Улыбнулся еще шире, пробормотал: «Хорошо, хорошо» - и удалился.

Что тут, спрашивается, хорошего? Но так случилось, что тем же вечером я узнал что.

Я шёл из туалета к своей комнате. Задумавшись, свернул не туда и оказался возле кабинета Мелаирима, где тот негромко разговаривал с племянницей. Проход они «зарастить» забыли, и, хотя говорили негромко, я, замерев и обратившись в слух, сумел разобрать каждое слово.

- Он ведь скоро заскучает, - холодным тоном говорила Талли. - Магия его уже не так чтобы занимает, он схватывает на лету. Ну и водить его вокруг постели целый год точно не получится. Слюни он, конечно, распускает - не отмоешься, но совсем не растекается. Ты уверен, что он подходящий кандидат?

- Огонь его выбрал, - печально отвечал Мелаирим. - И я готов спорить, что до принятия в клан всё было гладко. Но когда он выбирал печать... Мне показалось, что он взял не тот камень, на который указывал Огонь.

- Да? - оживилась внезапно Талли. - То-то мне и показалось, что Тейваз ему совсем не идёт. Значит, у него всё-таки есть хребет? Это проблема.

- Таллена, не наводи панику. - Я прямо почувствовал, как Мелаирим поморщился. - Стоит ли называть хребтом желание мальчика ковыряться в носу исключительно безмянным пальцем, а не каким-либо другим? Пусть наслаждается крохами, которые считает своими. Их с каждым днём всё меньше.

Ты заметила? Поначалу он то и дело морщился: у него болела голова, когда он пытался вспомнить что-то, чего не существует в нашем мире. Теперь перестал. Так устроен мозг: забери у человека слова, и память растает, превратится в обрывочные картинки, которые ничего не пробудят в сердце. Родителей он уже не помнит, это воспоминание поглотил Огонь. Скоро та же участь постигнет его любимую сестрёнку, имя которой он уже не пытается произносить. Он либо избавит меня от клятвы, либо пройдёт год, и возвращать будет некого.

Я попятился, широко раскрыв глаза и ощущая, как тяжело колотится сердце в груди. Мелаирим ведь прав! Прав, старый подонок! Показали мне пару фокусов, пару ещё кое-чего, и я позволил себе забыть обо всём!

Да, конечно, я думал о нашей сделке, но в мыслях не мог перешагнуть через необходимость выбрать жертву. Жертва представлялась мне хрупкой блондиночкой с жалобными голубыми глазами, которые будут снится мне до конца дней. Но ведь мир наверху не сплошь населён голубоглазыми жалобными блондинками! Надо хотя бы попытаться, хотя бы начать, выбраться на поверхность!

А хуже всего было то, что я не мог толком вспомнить лицо сестры. Вместо него охотно всплывала Рюгу Рена с заставки на моём смартфоне (вот имена анимешных персонажей почему-то в этом мире легко вспоминались и произносились), и тут память заканчивалась. Исчезала та тонкая, необъяснимая связь между мной и моей сестрёнкой, пропали наши долгие разговоры за полночь, когда она, ещё мелкая, боялась засыпать одна и пробиралась ко мне в комнату. И всё из-за того, что я забыл родной язык?! Не верю!

Вернувшись в комнату, я включил смартфон и открыл снимок сестры. Смотрел на него долго, до рези в глазах, впитывая памятью каждую чётточку её улыбающегося лица. Только она одна и осталась у меня от прежнего мира, где я родился и вырос. Терять эту ниточку я не собирался ни при каких обстоятельствах.

Но заряда смартфона оставалось меньше половины. А потом? Что потом? Я выключил смарт и уснул, сжав кулаки. Алая печать горела на кулаке всю ночь.

Утром я пришёл в святилище первым, до завтрака, и Таллену встретил в угрюмой позе. Я сложил на груди руки, закутался в плащ и, наклонив голову,

смотрел в огонь. Минут десять эту позу отработывал.

Но Талли усилий не оценила.

– Ты чего нахохлился, как курица на петуха? – спросила она. – Подумал над моим интересным предложением?

– Всю ночь думал, – отважно пискнул я (голос некстати сломался).

– Мозоли не натёр? – фыркнула Талли. – Ладно, не красней, как девица, говори уже, раздеваться мне или...

– Одеваться, – перебил я, наступив на глотку своему воображению. – Мы идём наверх. Искать жертву.

Талли помолчала. Подошла ближе, заглянула мне в лицо, приподняв бровь.

– Н-да? – сказала она.

– Ага, – кивнул я. – Или я никаких больше заклинаний отработывать не стану.

– Запомни один хороший урок, – вздохнула Талли. – Когда требуешь, не торопись с «или», пока не спросят: теряешь возможность получить требуемое даром. Но я тебя услышала. Иди завтракать, я поговорю с дядей и присоединюсь. Устроим тебе экскурсию.

Она ушла, покачивая бёдрами, а я смотрел ей вслед, раскрыв рот, и не верил ушам. Что, серьёзно? Вот так запросто?! Я отправляюсь гулять по незнакомому миру?!

Мама, это же то, чего я боюсь едва ли не больше всего в жизни!

Вдобавок к плащу, Талли заставила меня надеть кожаные перчатки без пальцев.

– Чтоб печатью не светил, – пояснила она. – Силу пока ещё плохо контролируешь. На время прогулки вообще забудь, что у тебя сила есть. Понял меня?

– Понял, понял, – проворчал я.

Но Талли не отставала.

– Я хочу, чтобы ты хорошо меня понял. Что ты сделаешь, если увидишь горящий дом, из окна которого кричит маленькая девочка?

Я немедленно вспомнил подходящие заклинания. Можно просто раздвинуть огонь «Огненной ширмой», взбежать по лестнице. Или... Но Талли смотрела как-то слишком уж въедливо, и до меня дошло.

– Ни... ничего? – предположил я.

– Именно! – Она щёлкнула меня по носу. – Но ты не отчаивайся. Пожары в городе отнюдь не каждый день. Огонь всё же слишком слаб.

Почтенный Мелаирим инструктировал меня ещё жёстче:

– Помни: для всех, кроме нас, ты враг. Тебя с радостью прикончит любой житель города, даже не маг, если разберётся, кто ты есть. Поэтому трижды подумай, прежде чем бежать или заниматься ещё какими-то глупостями.

Говорил он сурово, но чувствовалось, что Мелаирим боится. Когда я подтвердил, что полностью его понял, он как-то беспомощно посмотрел на Талли и попросил упавшим голосом:

– Будь осторожна.

– Не волнуйся. Мы выйдем у реки, пойдём вдоль неё. Там с утра вряд ли кто-то возится.

Почтенный Мелаирим благословил нас, и мы пошли. Сквозь стену, сквозь землю. Талли шагала, вытянув вперёд руку с чёрной печатью, и земля перед ней расступалась. Тут только до меня дошло, что и в первый раз мы шли не по заранее заготовленному тоннелю, а проделывали путь через целину. Отличная печать! Вот бы и мне такую заполучить.

– И не мечтай, – заявила Талли, когда я озвучил свои мысли. – Ты маг Огня, им и останешься. Нет смысла размениваться на мелочи.

– Боитесь, что с печатью я смогу уйти?

– Не без того. Но основная причина в том, что печати Земли хранятся у ректора академии. Единственный способ такую получить – поступить в академию. А это, заметь, элитная военная академия, там такой вступительный конкурс, что хлюпик вроде тебя отсеется уже на пороге.

– Но ты ведь поступила?

– Но я ведь и не хлюпик.

Это уже было обидно. Конечно, моя физподготовка оставляла желать лучшего. Я как-то постоянно умудрялся болеть и пропускать физкультуру, поэтому к выпускному классу мог подтянуться только ноль раз и пробежать не более километра.

– А зачем магу нужно быть сильным? – проворчал я.

– Во-первых, повторяю: это военная академия. Здесь в основном рыцарей и боевых магов готовят. А во-вторых, некоторые уровни силы открываются только при развитии соответствующих физических навыков. Тебя это не касается, не волнуйся: в тебе живет само Пламя, без него ты никто и звать тебя никак. Кстати говоря, печать Земли, скорее всего, просто на тебя не подействует...

Тут она остановилась, повернулась ко мне. В свете факела я увидел её глаза. Они как-то странно поблёскивали, будто там собирались слёзы.

– Какой же ты жалкий, – всхлипнула Талли и, быстро отвернувшись, продолжила путь. Я так и не понял, что это была за вспышка, понял лишь одно: разговор не прибавил мне очков мужественности в глазах Талли.

* * *

Мы вышли на поверхность из пригорка возле реки, как и предсказывала Талли. Пару минут я даже глаз не мог открыть, так ярко светило солнце. Потом постепенно начал осматриваться.

Река шумела так, что разговаривать было невозможно. Она текла с гор, и я проследил её путь. Увидел скалу-академию, возле которой протекала река. Вот что за шум я слышал, когда меня вели в каземат...

Самого каземата отсюда было не видно, как и святилища. Зато я прекрасно видел вулкан, где меня чуть не сожгли. Жутко он смотрелся отсюда. Такая могучая штука, того гляди извергнется.

Потом я скептически посмотрел на стену, частично окружавшую академию. С одной стороны стену заменял яростный поток реки, который у самой академии, верно, вообще представлял собой водопад.

Талли потянула меня за рукав, и мы отошли от реки на несколько шагов, чтобы можно было разговаривать.

– А зачем нужна стена, – спросил я, улыбаясь, – если любой маг Земли запросто пройдёт под ней либо сквозь неё?

– Ты удивишься, – вздохнула Талли, – но в мире не только маги Земли живут. Внутри кланов, к слову, враждовать не принято. А стена больше от простолюдинов. Они, бывает, начинают чем-то возмущаться, чего-то требовать. Убивать их особо никто не хочет, пусть себе о стенку долбят.

Солнце припекало всё сильнее, и я уже несколько раз с сомнением оттягивал ворот плаща и камзола, запуская внутрь свежий воздух. Талли, в точно таком же одеянии, шагала, гордо вскинув голову, и кажется, вообще не испытывала неудобств.

– Зачем было так вырядаться? – спросил я.

– Плащ – отличительный признак мага, – объяснила Талли. – Если ты в плаще, к тебе никто особо не полезет, болтать не станет. Простолюдины магов побаиваются и уважают. И кстати, тебе только кажется, что жарко. Маги Огня от жары не страдают.

Тут она оказалась права. Прислушавшись к своим ощущениям, я обнаружил, что вполне сносно чувствую себя в плаще под палящими лучами солнца. Приободрившись, я зашагал быстрее.

Впереди постепенно очерчивался город, стоящий на реке. Выглядел он... приземисто. Я не сразу различил очертания домишек. Пожалуй, по ощущениям, город был больше похож на большую деревню. Ну а с другой стороны, чего я ждал-то? Многоэтажек и дорожных пробок?

Стены вокруг города не было: простолюдины смекнули, что им она ни к чему, когда под боком маги Земли.

Мы вошли в город по широкой дороге, вымощенной серым камнем.

– Веди себя естественно, – бросила через плечо Талли. – По сторонам не глазей.

Я особо и не глазел. Благодаря сотням фильмов и книжек в жанре фэнтези, условно средневековый город ничем не мог меня удивить. Ну дома, ну трактиры, ну люди в экзотической одежде, ну лошадь везёт телегу. Что такого-то? А вот что меня удивило, так это отсутствие неприятных запахов. Сколько помню, авторы книг постоянно упирали на смрад нечистот, а если не упирали, то критики тыкали их в это носом. Здесь же пахло... Да ничем особо не пахло. Из раскрытых дверей трактиров несло кислым пивом, от лошадей пахло лошадьми, от людей – потом.

Люди, правда, старались к нам близко не подходить, чтобы не толкнуть невзначай. Плащи действительно работали.

Я спросил у Талли насчёт запаха. Та не сразу поняла, о чём я вообще говорю, потом усмехнулась:

– А-а... Ну, у нас союз с кланом Воды. Города это тоже касается. В домах все удобства: можно и мыться, и... всё остальное. Отходы уходят под землю, а там... Там долго объяснять, в общем.

Тут она опять посмотрела на меня с жалостью.

– А у вас не так? Не хотела бы я побывать в ваших городах.

Тут я возмутился. Начал было горячо доказывать, что я – из цивилизованного мира, что у нас, в отличие от...

Талли врезала мне кулаком в зубы. Чувствительно так врезала, аж слёзы из глаз брызнули.

– Заткнись, баран, – прошипела она. – Думай, что говоришь!

Я даже не обиделся. Действительно, баран.

Выдержав паузу, я откашлялся и спросил, куда мы идём.

– На рынок, – проворчала Талли. – Будем искать тебе сестру.

– На рынке?

– Угу. Рабов скоро должны выставить.

Рынок встретил нас гомоном и гвалтом, пестротой красок и обилием запахов. Здесь было, наверное, всё, что могло понадобиться человеку в этом мире. Прилавки громоздились друг на друга, лавки стояли с распахнутыми настежь дверьми, а лавочники громогласно наперебой зазывали дорогих покупателей. Одежда, украшения, мясо, рыба, хлеб, оружие, какие-то магические снадобья. У такого прилавка я ненадолго задержался, но Талли, демонстративно закатив глаза, потащила меня дальше. Похоже, и в этом мире процветали всякого рода шарлатаны.

Чем дальше, тем их становилось больше. Нам предлагали погадать на картах, по руке, по внутренностям курицы – тут меня едва не вырвало. Какой-то ошалевший прыщавый парень лет двадцати выскочил прямо передо мной и стал сбивчиво рассказывать о том, какое замечательное приворотное зелье он может мне предложить. Вот неужели я рядом с Талли произвожу настолько жалкое впечатление?

Я кое-как от него отделался, шагнул вперёд и... обнаружил, что Талли ушла. У меня заколотилось сердце. Потеряться в этом сумасшествии совсем не хотелось. Я пробежал вперёд, наудачу свернул направо. Ни следа Талли!

Навстречу шла мрачная процессия людей в чёрных плащах. Десяток парней, парочка девушек. Одна из них мне улыбнулась. Её белокурые волосы красиво ниспадали на чёрную ткань, лицом она напоминала ангелочка. В её сторону даже думать было страшно, не говоря о том, чтобы прикоснуться.

Я робко улыбнулся в ответ и замешкался – застрял, как дурак, посреди дороги.

– Пшел вон! – рыкнул один из парней и толкнул меня в сторону.

Я чуть не упал. Толпа заржала, но, слава Огню, прошла мимо. Девушка-ангел сбилась было с шага. Она смотрела с сочувствием, но толкнувший меня парень, что-то резко сказав, дёрнул её за руку, и чудесное видение растворилось.

Я перевёл дух.

– Партрэт! – раскатисто произнёс кто-то над самым ухом.

Я подпрыгнул. Оказывается, меня оттолкнули на прилавок, и теперь его хозяин – смуглый черноглазый мужчина лет сорока, с трёхдневной щетиной, – смотрел на меня.

– Что, простите? – пробормотал я.

– Партрэт, – повторил мужчина. – Лубой партрэт. Малынький, балшой, у мыдалйоне.

Говорил он с чудовищным акцентом, но я его понимал. Мужчина указывал на разложенные на прилавке портреты. С большинства из них смотрели красивые женские лица. Одни были написаны краской, другие – нарисованы углём или карандашом. Одни в рамах, другие просто на листах бумаги. А ещё на прилавке лежали медальоны. Ну, такие, которые открываешь, – а там портрет кого-то близкого.

И тут меня осенило.

– Вы сами рисуете? – волнуясь, спросил я.

Мужчина, величественно прикрыв глаза, наклонил голову.

Плюнув на здравый смысл, я достал из кармана свой многострадальный смартфон, включил его, нашёл в «галерее» фотографию сестры.

– Вот такой портрет, – сказал я и показал на золотой (скорее всего, конечно, позолоченный) медальон. – Вот сюда.

Мужчину появление на прилавке высоких технологий не смутило. Он подвинул смартфон к себе, несколько секунд вглядывался в лицо на экране, потом кивнул:

– Харашо, – сказал он. – Втарая палавына?

До меня дошло, что в медальоне есть место для двух картинок. Я лихорадочно задумался...

– Вот ты где! – рявкнула Талли и схватила меня за руку. – Как ребёнок, честное слово! Идём! Торги сейчас начнутся.

– Постой! – крикнул я, но Талли было не остановить. Да уж, она-то точно, в отличие от меня, хлюпиком не была. Тащила, как сущий трактор.

Я беспомощно вытянул руку в сторону уменьшающегося прилавка. Смуглый мужчина со всё таким же серьёзным и невозмутимым лицом поднял руку в ответ. Станным образом этот жест меня успокоил.

Глава 11

Рынок рабов размещался в дальней части обычного рынка и представлял собой огороженную круглую арену, по периметру которой толпились состоятельные граждане. Талли, нисколько не смущаясь тем, что самая бедная дама из собравшихся одета раз эдак в сто богаче её, протолкалась к самому ограждению и приволокла за собой меня.

Я чувствовал себя неуютно и беспомощно. Не помню, когда в последний раз расставался со смартфоном, и уж тем более оставлял его в чужих руках... С разблокированным экраном...

– Сейчас будет веселуха! – жарко дышала мне в ухо Талли. – На торгах вечно какая-нибудь история. Если повезёт, можно раба и бесплатно заполучить. Главное, ушами не хлопать.

А вот интересно, сообразит ли «партрэтыст», что такое свайп? А если сообразит? Что он обо мне подумает? Меня, может, уже городская стража разыскивает... Ой, дурак...

– Начинается! – дёрнула меня за руку Талли.

На середину арены вышел толстяк с огромной золотой цепью на шее и золотыми перстнями на каждом пальце. Толстяк улыбался во весь рот. Рот был заполнен кривыми жёлтыми зубами. Видимо, золотые ставить тут ещё не научились. Толстяк вёл на тонкой стальной цепочке невзрачную девочку лет шестнадцати. В моём мире из неё можно было бы сделать красавицу при помощи косметички и получаса времени. Здесь же она выглядела, как... Никак. Пройдёшь мимо и не заметишь.

– Mam, давай эту! – услышал я слева капризный голос и повернул голову.

Паренёк примерно моего возраста, тоже в сером плаще, теребил высокомерную даму, которая стояла, вскинув голову так, что, наверное, вообще ничего, кроме птичек, не видела.

– Здравствуйте, дамы и господа! – попытался исполнить нечто вроде поклона толстяк. – Рад приветствовать вас. Не буду злоупотреблять вашим вниманием, мы все тут не для разговоров собрались. Первый лот – юная, похожая на нераспустившийся цветок Ганла. Умеет хлопотать по хозяйству, прекрасно вышивает и готова постичь тонкости науки любви под вашим руководством.

– Пойдёт, нет? – деловито осведомилась Талли. – Вначале постоянно самых ущербных ставят, вряд ли цена сильно взлетит.

– Один серебряный, – лениво сказал кто-то с противоположного края арены. Толстяк тут же повернулся и учтиво поклонился первому поставившему.

– Мам, ну ма-а-ам! – продолжал канючить парень рядом, так мерзко, что у меня даже зубы свело.

– Нет, Ямос, – снизошла наконец до ответа женщина, и от её гнусавого голоса мне захотелось убежать. – Девочка будет отвлекать тебя от учёбы. Мы возьмём раба-мужчину.

– Я не хочу мужчину, мам!

– Тебе и не нужно его хотеть. Тебе нужен раб, который будет о тебе заботиться. Закончили разговор.

Н-да... Чего-то я аж посочувствовал этому Ямосу. Я бы тоже предпочёл сам о себе заботиться, чем терпеть рядом какого-то мужика. Хотя, может, у меня просто недостаточно рабовладельческое мышление.

Пока я сочувствовал Ямосу, Ганлу продали. Тому самому дядьке, который дал один серебряный. Кстати, вот интересно, кто там серебряный?

Местная валюта. Дилс – медная монета. Сотня дилсов – гатс, серебряная монета. Сотня гатсов – солс, золотая монета.

Буквы растаяли быстро, и я успел заметить, как Ганла расплакалась, пока толстяк отстёгивал цепочку. Ошейник, видимо, шёл в подарок.

– А откуда берутся рабы? – спросил я Талли.

– Мамки рожают, – отозвалась та, но, поймав мой укоризненный взгляд, поморщилась и объяснила: – Кто за долги в рабство попадает, кто по дурости. Эта убогая наверняка семье помочь хотела, думала хоть золотой выручить. А отдалась за гатс. Плюс ещё толстяк процент снимет.

Теперь я понял, почему она плакала, и мысленно обругал себя за тормознутость. Мы бы могли выкупить её и подороже... Но с другой стороны, мы-то её, по сути, убили бы потом, а у этого хозяина она, может, до старости доживёт.

– Без шансов, – заявила Талли, видимо, проследив по лицу ход моей мысли. – Если неделю проживёт – считай, повезло. Этот садист ни одного торга не пропускает, откуда только деньги берутся.

Я посмотрел на омерзительного лысого хмыря, похожего на вампира из древних чёрно-белых ужастиков. Он поглаживал Ганлу по голове когтистой лапой и что-то ей нашёптывал на ухо. Бедняжка старалась крепиться. А может, просто не поняла или не поверила до конца, в какой кошмар угодила по собственной воле.

Толстяк тем временем вывел на поводке здорового усатого парня, который так неуместно улыбался, будто он был тут хозяином положения.

– Дамы и господа! Танн! – провозгласил толстяк. – Танн может выполнять любую тяжёлую работу, сносит любые неудобства. Главное, не давать ему пить. За десять гатсов вам не найти лучшего раба!

– Даю десять! – дрожащим голосом выкрикнула немолодая женщина и покраснела, видимо, представив, как нагрузит Танна тяжёлой работой и неудобствами.

Толпа понимающе заржала, а Танн, улыбнувшись ещё шире, раскрыл объятия навстречу женщине. Толстяк долбанул его по груди кулаком, что-то сказал, и Танн опустил руки.

– Одиннадцать, – вступила в торги мама Ямоса, несмотря на протестующее шипение сына.

– Одиннадцать гатсов! – завопил толстяк. – Кто больше? Вы только полюбуйтесь на эти мускулы, дамы и господа!

Он одним движением сорвал с Танна его худую рубашонку и открыл взорам публики могучий торс, достойный чемпиона мира по бодибилдингу.

– Вот это кабан! – восхитилась Талли. – Взять, что ли?

И, недолго думая, выкрикнула:

– Тридцать гатсов!

Публика ахнула. Мать Ямоса метнула на Талли гневный взгляд и назвала сорок. Женщина, которая начала торги, заявила половину солса. Страсти накалялись, а Талли, самоустранившись от торговли, хитро улыбалась. Не то просто так похулиганила, не то...

Дело кончилось тем, что Танн достался Ямосу за один золотой солс. Толстяк отдал его, несколько помрачневшего, новым хозяевам, а когда разворачивался, чтобы уйти, хитро подмигнул Талли. Вопросов я задавать не стал, для разнообразия сам понял, что к чему. Видимо, Талли имеет с толстяка некий процент за то, что взвинчивает цену.

– Просто я молодая и безродная, – шепнула она мне на ухо. – Эти снобы скорей сдохнут, чем мне уступят.

Торги продолжались. Толстяк одного за другим сбыв троих мужчин, не таких колоритных, как Танн. Они, как я понял, тоже разошлись по студентам. Тут, верно, учиться без раба – страшный позор.

Талли, великолепно чуя, когда и кому стоит переходить дорогу, несколько раз влезала в торги, пока на неё не начали поглядывать с подозрением. Опять пошли девушки, и Талли принялась толкать меня локтем. Однако не успевал я среагировать, как она, поджав губы, мотала головой. Знатные родители

студенток быстро поднимали цену до двух-трёх солсов и выглядели при этом так, будто для них и десять не сумма.

- Надо было первую брать, - вздохнула Талли. - Эх... Ну да ладно, может, в другой раз. Через месяц ажиотажа меньше будет: студенты закончатся.

Я тоже смирился с таким раскладом. Что ж, сегодня уже сделано немало. Я вышел из дома (уже называю эту нору домом!), я посмотрел на рынок рабов, понял, как всё здесь устроено. Один маленький шаг для меня и огромный шаг для моей сестрёнки... Которая сейчас горит живьём в огне...

От этой мысли меня передёрнуло, и я беспомощно посмотрел на арену. И вдруг заметил, как тихо стало вокруг. Талли присвистнула.

Толстяк вывел на середину девушку. Она отличалась от всех предыдущих, как чёрная роза от полевой травы. Одета была небедно, но как-то неправильно. Высокие кожаные сапоги, чёрная юбка до колен, белая не то блузка, не то кофта с неровно оборванными по плечи рукавами. Длинные иссиня-чёрные волосы красиво ниспадали на плечи. Но главное - лицо. Бледное, отрешённое, с огромными глазами, фиолетовый цвет которых был виден даже издали.

- Породистая девочка, - сказала Талли. - Сейчас что-то будет...

- Дамы и господа, - как ни в чём не бывало начал толстяк. - Спешу представить вам прелестный цветок по имени Натсэ. Девушка, получившая самое благородное воспитание. Ныне она лишилась печати и изгнана из рода.

Я вздрогнул, услышав имя. Что-то очень похожее на имя моей сестры. Натсэ...

Толпа молчала. Кроме Талли. Та принялась возбуждённо шептать мне в ухо:

- Благородные - редкий товар, их обычно продают ещё до торгов. И стоят ого-го сколько, от сотни солсов. И толку от них чуть, кроме красоты и выпендрёжа взять нечего. Но раз толстый её выволок, значит, какой-то подвох.

Так оно и вышло. Окинув толпу взглядом, толстяк произнёс:

– Она может стать вашей совершенно бесплатно, если вы одолеете её в поединке!

Толпа загудела, слышались смешки. И вдруг к арене протолкался высокий мужчина с длинными спутанными волосами. Он неуклюже перевалился через ограждение и, подняв руки, пошёл к центру площадки под приветственные вопли. На поясе мужчины висели два изогнутых не то меча, не то ножа – один побольше, другой поменьше.

– Господин городской стражник! – воскликнул толстяк. – Вам придётся подписать бумагу, что вы по доброй воле оставили пост, чтобы у меня не было проблем, если вас наповал сразит взгляд этих фиолетовых глаз.

Стражник, посмеиваясь, подписал пером бумагу, которую принёс ему мальчишка – видно, помощник толстяка.

Тут же в толпе появилось не меньше десятка таких же мальчишек, которые протягивали шапки и голосили:

– Ставки! Делайте ставки на поединок!

Когда один из них подошёл к нам, Талли наклонилась к нему и сказала:

– Скажи хозяину, что Таллена ставит всё на девку!

Мальчик кивнул, даже не глянув на неё, и пошёл кричать дальше. В шапку ему сыпались монеты. Кто кричал: «На девку!», кто «На стражника!». Как уж там потом будут разбирать, где чьи деньги, я понятия не имел. Но и тут меня выручила Талли.

– Ставят только благородные маги, а они врать не станут. Скорее откажутся от выигрыша, если кто усомнится. И я тебя уверяю, таких будет немало: толстяк себя внакладе точно не оставит.

Когда все желающие сделали ставки, толстяк отстегнул цепочку от ошейника Натсэ и отступил к ограждению. Не было ни гонга, ни команды, однако бой начался.

Натсэ стояла, глядя куда-то в пустоту. Я вообще сомневался, что она понимает, где находится и что с ней происходит.

Стражник, нахально склонив голову, полюбовался своим будущим трофеем и вразвалочку подошёл к ней. Толпа молчала. Стражник лениво протянул руку: может, хотел потрепать Натсэ по щеке, может – схватить за волосы. Этого никто уже не узнал.

Натсэ будто превратилась в чёрно-белый вихрь. Она стремительно крутанулась на месте, одновременно присев. Я даже не заметил, как девушка выхватила нож из-за пояса стражника. Вместе с остальными зрителями я издал изумлённый полувздых-полувскрик, когда нож пронзил шею стражника насквозь и с другой стороны показалось окровавленное лезвие.

Стражник безмолвно рухнул на песок, а Натсэ, опустив руки, вернулась в прежнюю позу. Как будто не убила только что человека вдвое старше себя и как минимум втрое тяжелее.

– А вот и подвох, – невозмутимо сказала Талли.

– Дамы и господа, – печальным голосом произнёс толстяк. – Прежде чем я раздам выигрыш счастливым, давайте покончим с последним лотом. Один дилс! Кто даст один дилс?

Я ушам не верил. За Натсэ просят один медяк?! Это казалось жутко несправедливым. Однако никто не спешил давать и такую цену. И я их, в общем, понимал: кому нужна такая рабыня, которая, чуть чего, тебя прикончит, а ты и глазом моргнуть не успеешь?

– Да это же идеальный вариант! – прошептала Талли и выкрикнула: – Дилс!

Толстяк развернулся к ней с проворством кобры, учуявшей добычу.

– Продано! – воскликнул он. – Госпоже магу Земли, за один дилс.

Слова возражений застыли у меня на губах. В глазах потемнело. И вот в этом теле будет жить моя сестра?!

Глава 12

Всё то время, пока толстяк вёл к нам Натсэ, мне хотелось сделаться невидимкой. Прекрасные, но холодные, будто кукольные, фиолетовые глаза приближались, и я видел в них смерть. Смерть того стражника.

Нет, конечно, я не питал по его поводу иллюзий. Выглядел он мерзко и заполучить Натсэ явно хотел не для того, чтобы устроить ей жизнь, достойную принцессы. Но всё-таки одно дело – в мыслях назвать человека подонком, и совсем другое – увидеть, как его убивают. Да я вообще впервые в жизни увидел смерть! И теперь смотрел в глаза убийце, трепеща, как кролик.

– Прошу, госпожа, – поклонился толстяк и отстегнул цепочку. Натсэ продолжала стоять, будто кукла. Талли это нисколько не смутило.

– Ты не моя! – заявила она. – Твой хозяин – вот этот человек, Мортегар. Будешь его слушаться. Поняла?

Я не ждал ответа, но взгляд Натсэ вдруг сфокусировался на мне. Было такое чувство, будто за мгновение она сосканировала меня со всеми потрохами. А потом она безмолвно поклонилась, держа руки по швам.

Новое приобретение – рабыня Натсэ.

– Вот и прекрасно, – кивнула Талли и переключилась на толстого. – Мои деньги, пожалуйста!

Толстяк изменился в лице и прошипел: «Не здесь!» – после чего быстрым шагом удалился. Талли поспешила за ним, бросив мне: «Будь тут, никуда не уходи». Толпа вокруг постепенно рассосалась, и я остался лицом к лицу со своей рабыней.

Я откашлялся. Что ж... Надо как-то налаживать контакт. Сила обольстителя, активируйся!

Команда не опознана. Заклинание не найдено.

Чувство юмора у тебя не найдено! Ладно, обойдусь своими силами.

- Натсэ, – сказал я тонким, будто чужим голосом, – ты можешь перелезть через ограду?

Ничего не случилось. Она не шелохнулась.

- То есть не могла бы ты... А-а, нет! Натсэ! Перелезь через ограду!

В этот миг я почувствовал, как внутри меня закипает огонь, и тут же выползли надоедливые буквы – сообщить, что у меня опять чего-то там поднялось. Я сморгнул их, не вчитываясь.

Натсэ изящным движением перекинула ногу через оградку. Юбка при этом задралась довольно высоко, и у меня на миг перехватило дыхание. Хорошо, что Натсэ не позволила мигу длиться долго. Раз – и она стоит напротив меня, со своими убийственными глазами. Тут только я обнаружил, что она на полголовы ниже меня.

- Привет, – сказал я.

Молчание. Ужасно невежливая рабыня. Может, у неё где-нибудь кнопка есть? Я, ничего особо не имея в виду, протянул к ней руку. Коснуться плеча не успел: Натсэ махнула рукой, и моя ладонь со звонким шлепком отлетела прочь.

- Ладно, – пробормотал я.

И вдруг заметил, что Натсэ проявила какую-то человеческую черту – она покраснела!

В этот момент мимо нас прошёл лысый «вампир», обнимая за плечи свою понурюю рабыню. Мы с Натсэ повернули головы.

– А теперь, – тошнотворно ласковым голосом говорил он, – мы с тобой купим леденцов. Ты ведь любишь леденцы, моя сладкая?

Ганла промолчала и секунду спустя полетела лицом в землю.

– Ты должна отвечать, когда тебя спрашивают, дорогая, – всё тем же медовым голосом сказал «вампир». – Если я от тебя откажусь, знаешь, что с тобой будет?

Я отвернулся и успел заметить, как Натсэ справляется с дрожью.

– П... – сказала она. – П... простите, хозяин. Я забылась.

Она опять поклонилась, будто состояла из двух деревянных половинок. Что же её так напугало?

Если хозяин раба умирает по вине раба или отказывается от раба из-за личных качеств раба, раб немедленно умирает.

– Не переживай, – сказал я. – Это я виноват. Меня зовут Мортегар, но ты можешь звать меня Морт.

– Хорошо, хозяин.

Да уж... Тяжело нам придётся. Говорят, в дружбе мальчика и девочки обязательно кто-то один любит, а другой – тормоз. У нас, судя по всему, уникальная ситуация, когда сошлись два тормоза.

Впрочем, что мне за дело до её заморочек? Я ведь не собираюсь с ней жить. В её теле поселится моя сестра. Моя взбалмошная, неунывающая и невзрослеющая сестричка. Интересно, как это лицо выглядит, когда на нём расцветает улыбка? Могут ли эти глаза лучиться неподдельным восторгом, когда «Ура, братик

вернулся из школы!»? Я подумал, что если вот это вот тело попытается повиснуть у меня на шее, я заору. Придётся привыкать.

– Не скучал? – возникла рядом со мной весьма довольная жизнью Талли. – Удачное утро! Заполучили рабыню за бесценок, да ещё и пару солсов мелочью. Жирный, конечно, сбрыхал, ну да и Земля с ним, на жуликов не обижаются. Идём отмечать?

И Талли похлопала себя по бокам, чтобы в карманах зазвенели монеты.

Я посмотрел на Натсэ, которая опять словно бы отключилась, и пожал плечами:

– Идём.

* * *

День был хороший, солнце светило ярко, и лёгкий ветерок, блуждая по широким улицам города, то и дело приятно охлаждал кожу. Мы расположились в условно средневековом аналоге летнего кафе: возле одного из попавшихся по пути трактиров стояли столики, один из которых заняли Талли, Натсэ и я. Столик был довольно большой, и я постарался сесть подальше от своей рабыни. Она меня пока что больше пугала, чем вызывала какие-то другие эмоции.

К нам тут же вышел зевающий растрёпанный парень в фартуке – принять заказ. Выглядел он так, будто мы помешали ему отсыпаться после суточной смены. Талли нисколько этим не смутилась и заказала всем жареного мяса с пивом.

– Шесть дилсов, – заявил парень.

Талли бросила ему монеты, а когда он ушёл, посмотрела на Натсэ.

– Лёгкий завтрак дороже тебя в шесть раз. Тяжело такое осознать, а?

Натсэ промолчала, даже бровью не повела, но я заметил, как напряглись её плечи. Вся её отрешенность была лишь маской, и, похоже, носить эту маску было совсем не легко. Вот ведь проклятье. Мне придётся принести эту девушку в

жертву, а я зачем-то взялся её узнавать.

Пиво принесли раньше мяса. Три огромные металлические кружки. Свою я вообще с трудом оторвал от стола, Талли подхватила легко, как напёрсток, а Натсэ и вовсе не пошевелилась.

– За твою сестру! – сказала Талли и стукнула своей кружкой о мою.

Пиво мне понравилось. У него был такой густой, насыщенный пшеничный дух и вкус, что о содержащемся спирте как-то не думалось. Отличный напиток в такую жару. Даже Талли удовлетворённо заявила, что, судя по вкусу, на этот раз в чан упало не больше трёх крыс.

– Ну что? – спросила она. – Ты доволен?

Если я чем и был доволен, так это тем, что теперь меня смущали две девушки, а не одна. Смущение как-то удачно рассеивалось между ними. К тому же друг с дружкой они не общались, и я худо-бедно продолжал чувствовать себя центром вселенной. Убогоньким таким, но центром.

– Получить рабыню для парня твоего возраста – невиданная удача, – говорила Талли, после очередного глотка вытирая пену с носа. – Редкий папаша так сынка побалуует, разве что страшенькой какой-нибудь. А эта штучка, по-хорошему, двух сотен стоит.

– Почему же она шла за дилс?

– Из-за характера. Строптивых рабов на час запирают в Доме смирения, это стоит пять дилсов, после чего все выходят шёлковыми. Наша красавица провела там четыре часа, с толстяка содрали целый серебряк, а толку, как видишь, чуть. Он только за счёт поединка в плюс вышел, и тому рад, как ребёнок. Говорит, она была из Ордена Рыцарей, ну да это и без него ясно.

Девушка-рыцарь? Хм. Я покосился на Натсэ. Больше не хотелось задавать вопросов типа «зачем магам сила». То, как она убила стражника, само по себе напоминало магию.

– Она из клана Земли?

– Можешь её спрашивать, она обязана тебе отвечать, – сказала Талли. – Но вообще – да, наверняка. Видно же.

Она протянула руку и щёлкнула пальцем по иссиня-чёрной пряди волос. Я уже начал привыкать к Натсэ, и для меня не было шоком, когда она отбила руку Талли.

– Эй! – возмутилась та. – Место своё помни, мразь!

– Прекрати! – Мой голос прозвучал неожиданно сильно и властно, так что Натсэ наклонила голову и стиснула зубы. – Она не любит, когда к ней прикасаются.

Теперь на меня изумлённо вытаращились обе. Две пары глаз: чёрных и фиолетовых. Похоже, я ляпнул что-то не то.

– Она рабыня, – отчеканила Талли. – Что она любит, должно тебя заботить не больше, чем облако в небе. Учитывая то, что она, всего вероятней, даже яичницу пожарить не сможет, не давать к себе прикоснуться – просто бред. Не вздумай этому потакать.

– Ты видела, что она сделала с тем мужиком?!

– Тот мужик не был её хозяином, Морти. Она благородная девочка. Из какого рода, ни за что не признается, но явно не из бедных. Значит, в рабство пошла, чтобы отвести позор от своих. Поверь, честь рода для неё значит больше жизни. Конечно, если лезть дуром, может и убить, но ты потихонечку, ласково, слово за слово... Да что я тебе рассказываю?! У тебя что, девушки, что ли, не было?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/kryptonov_vasiliy/pervye-iskry

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)